

ГНЕЗДОВО

Результаты
комплексных
исследований
памятника

Авдусица

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Гнездово
Результаты комплексных
исследований памятника

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В.В. Мурашева

Рецензент – кандидат исторических наук Н.Г. Недошивина

Редакционная коллегия: С.А. Авдусина, В.В. Мурашева, С.А. Рузанова, А.А. Фетисов
Введение – кандидат исторических наук Т.А. Пушкина

Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника.

Издание представляет собой сборник статей, посвященных итогам исследований последних лет Гнездовского археологического комплекса. Гнездовский археологический комплекс расположен недалеко от Смоленска и является одним из крупнейших памятников эпохи образования Древнерусского государства, что обуславливает важность проблем, которые решаются на материалах памятника. Сборник вводит в научный оборот новые материалы, полученные в результате раскопок на территории пойменной части поселения, стационарное исследование которой было начато в 1999 г. Особое внимание уделяется вопросам реконструкции палеоэкономики, основанной на анализе зерновых и остеологических материалов, а также исследованию палеоландшафта и палеоклиматических условий эпохи существования Гнездова.

Я.В. Френкель

Опыт датирования пойменной части гнездовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999 – 2003 гг.)

Бусам Гнездовского археологического комплекса в научной литературе уделялось не много внимания. Можно назвать только одну специальную статью Ю.А. Лихтер и Ю.А. Щаповой (*Лихтер, Щапова, 1991*), посвященную бусам, найденным на городище и в погребениях. Касаясь вопросов хронологии, авторы поставили под сомнение возможность узкого датирования памятников второй половины X в. исключительно на материале бус (*Лихтер, Щапова, 1991. С. 257*).

При исследовании пойменной части восточного селища Гнездово (раскопы П-2 и П-8) в 1999 – 2003 гг. была собрана представительная коллекция стеклянных и каменных бус. Коллекция насчитывает около 650 бус, из стекла, фаянса, поделочных камней и янтаря.

Два рассматриваемых локуса поселения очень привлекательны для археологических исследований благодаря удачной стратиграфической ситуации. Раннесредневековые горизонты «запечатаны» мощным аллювиальным слоем, предохранившим культурные напластования поселения на данном участке от нарушений, связанных с сельскохозяйственными работами последующего времени.

Благодаря этому подавляющее большинство бус было обнаружено в заполнении ям и в горизонтах культурного слоя, не потревоженных распашкой.

Настоящая работа, помимо информационной нагрузки (введение в научный оборот значительной коллекции бус¹), преследует цель попытаться с помощью данной коллекции датировать выявленные в ходе раскопок культурные напластования² и сооружения³.

Поставленная задача обусловила структуру изложения. Работа подразделяется на три отличающиеся по форме изложения части. В первой части представлена классификация найденных бус. Хочется подчеркнуть, что данная классификация носит сугубо технический, служебный характер. Предлагаемая номенклатура нужна для обеспечения сносок и отсылок внутри текста. Выделенные номенклатурные единицы мы будем называть типам, хотя, возможно, это не вполне правильно с формальной точки зрения. Для удобства работы выделяемые номенклатурные единицы мы соотносим с уже опубликованными типологиями. Предпочтение отдается классическим работам З.А. Львовой

¹ К 2000 г. гнездовская коллекция насчитывала около 2000 стеклянных и каменных бус (*Пушкина, 2001. С. 6*), из которых на долю пойменной части селища приходилось не более 70 штук.

² Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 06-01-00492а.

³ Первая попытка решить такую задачу была предпринята Т.А. Пушкиной, В.В. Мурашевой и В.С. Нефедовым (*Пушкина, Мурашева, Нефедов, 2001. С. 21 – 24*) на материалах раскопок в пойменной части селища в 1999 г. (раскоп П-2). Предложенная исследователями дата (вторая половина X – начало XI в.) носила предварительный характер.

и Ю. Кальмера (Львова, 1968; Callmer, 1977) для стеклянных бус, О.И. Давидан и М.Д. Полубояриновой (Давидан, 1998; Полубояринова, 1994), частично – Ю. Кальмера для каменных бус, поскольку в них рассматривается материал, близкий по времени, территории и культурно-историческому пласту. Во второй части выделяются и сопоставляются наборы бус по раскопам и по стратиграфическим горизонтам внутри раскопов.

В третьей части осуществляется процедура датирования. С методической точки зрения «стратегически» за основу принято распределение бус в культурных напластованиях поселений, принятых за «эталонные» (Ладога, Новгород, Рюриково городище); «тактически» используется сочетание метода «узких дат» с приемом «хронологического зажимания» стратиграфически вычленяемых

массивов и сооружений через интервалы совместного бытования бус, найденных в перекрывающих и подстилающих слоях.

Обращение к сюжетам, связанным с датировкой некоторых типов бус, будет требовать подробной системы аргументации, включающей обращение к обстоятельствам фиксации бус на «эталонных» памятниках. Расположение таких разделов непосредственно в тексте статьи неизбежно приведет к дроблению логики изложения, и, как следствие, будет затруднять прочтение. Для того, чтобы этого избежать, мы организуем сопутствующие обоснования в виде компактных сюжетов, и будем помещать их в конце статьи, маркируя по принятой системе концевых сносок.

1. Общая характеристика коллекции

Коллекция насчитывает 649 бус, как целых, так и фрагментированных. В это число входят 629 стеклянных бус, 2 фаянсовые бусины, 14 бус из поделочных камней (преимущественно из хрустала и сердолика) и 4 янтарные бусины.

1. Одноцветные стеклянные бусы.

Наиболее многочисленны лимонovidные бусы и рубленый бисер (VIII группа по классификации З.А. Львовой).

I-1. Лимонovidные бусы (VIII группа, подгруппа 4 по З.А. Львовой).

В коллекции представлено 212 бусин.

I-1-1 – лимонovidные бусы глухого желтого стекла (всего 103 экземпляра):

I-1-1-1: «лимонки» однослойные, преимущественно небольшого размера (рис. 12, 1 – 2748/67¹). 73 экземпляра, в том числе 7 бракованных бус с полностью или частично «заплавшим» каналом.

I-1-1-2: двухслойные «лимонки» преимущественно крупных размеров, сердцевина как правило прозрачного бесцветного стекла (рис. 12, 2 – 2741/47). Иногда сердцевина изготовлена из сплавленного разноцветного стекла (рис. 12, 3 – 2765/11). 28 экземпляров (большин-

ство фрагментировано). Абсолютное большинство таких бус найдено в материалах раскопа П-2. В материалах раскопа П-8 имеется 1 такая бусина (заполнение ямы 1).

I-1-1-3: двухслойные «лимонки»; сердцевина изготовлена из прозрачного желтоватого стекла. 2 экземпляра (по одному в раскопах П-2 и П-8)².

I-1-2 – лимонovidные бусы прозрачного синего стекла (рис. 12, 4 – 2765/33) (47 экземпляров).

I-1-3 – лимонovidные бусы прозрачного лилового (разные оттенки фиолетового) стекла (рис. 12, 5 – 2768/366) (49 экземпляров).

I-1-4 – лимонovidные бусы непрозрачного стекла цвета морской волны (рис. 12, 6 – 2741/8) (5 экземпляров).

I-1-5 – лимонovidные бусы бесцветного прозрачного стекла (рис. 12, 7 – 2741/35) (3 экземпляра).

I-1-6 – лимонovidные бусы с продольным рифлением (5 экземпляров):

¹ Здесь и далее даны порядковый номер на рис. 12 и номер по описи ГИМ.

² Бусы **I-1-1-2** и **I-1-1-3** соответствуют «второму варианту желтых «лимонок» по Ю.А. Шаповой (Шапова, 1962. С. 88).

I-1-6-1: бусина желтого стекла (рис. 12, 8 – 2778/385) 1 экземпляр, горизонт 2 раскопа П-8.

I-1-6-2: бусина синего стекла (рис. 12, 9 – 2766/31) 1 экземпляр, яма 4 раскопа П-8.

I-1-6-3: крупные бусы прозрачного бесцветного стекла (рис. 12, 10 – 2748/86). 2 экземпляра (по одному в раскопах П-2 и П-8).

I-1-6-4: бусина стекла цвета морской волны (рис. 12, 11 – 2765/41) 1 экземпляр, раскоп П-2.

I-2. Рубленный бисер (VIII группа, подгруппа 3 по З.А. Львовой)

В коллекции представлено 255 экземпляров. Бисер по преимуществу мелкий, 1,5 – 2,5 умнож. 2 – 4 мм, низкого качества (З.А. Львова противопоставляла такой бисер бисеру «классической формы», изготовленному из стекла «ярких, чистых цветов» (Львова, 1970. С. 96) Сравнительно крупных бисерин несколько экземпляров, все из раскопа П-8. В коллекции присутствует один экземпляр бракованного бисера желтого стекла (с запыленным каналом).

I-2-1 – Бисер прозрачного и глухого желтого стекла (рис. 12, 12 – 2748/47) (84 экземпляра).

I-2-2 – Бисер прозрачного зеленого стекла (77 экземпляров).

I-2-3 – Бисер прозрачного кобальто-синего стекла (рис. 12, 13 – 2748/21) (49 экземпляров, включая светло-синие кобальтовые).

I-2-4 – Бисер прозрачного и глухого бирюзово-голубого стекла (рис. 12, 14 – 2748/66) (26 экземпляров).

I-2-5 – Бисер просвечивающего белесого стекла (рис. 12, 15 – 2766/21) (12 экземпляров).

I-2-6 – Бисер прозрачного красного стекла (рис. 12, 16 – 2778/16) (5 экземпляров, все миниатюрных размеров).

I-2-7 – Бисер черного стекла (рис. 12, 17 – 2778/18) (1 экземпляр).

I-2-8 – Бисер прозрачного лилового стекла (рис. 12, 18 – 2768/435) (1 экземпляр).

I-2a. Тянутые трубочки (рис. 12, 19 – 2766/4) (VIII группа, подгруппа 5 по З.А. Львовой) В коллекции 4 экземпляра (найжены на раскопе П-8):

I-2a-1 – Бусина синего стекла (3 экземпляра).

I-2a-2 – Бусина белесого стекла (1 экземпляр).

I-3. Иные одноцветные бусы (27 экземпляров).

I-3-A – Зонные кольцевидные бусы синего стекла (рис. 12, 20 – 2741/48) (см. Львова, 1968. С. 78, рис. 2: 56 – 58, IV группа, третья подгруппа – «а») (13 экземпляров). Бусы сделанные в технике навивки стеклянной нити. Стекло преимущественно прозрачное густо-синее; в 2 случаях светло-синее; стекло экземпляра, найденного в заполнении ямы 46 полупрозрачное.

I-3-B – Иные бусы, изготовленные в технике навивки стеклянной нити (7 экземпляров). Представлены парами или одиночными экземплярами:

I-3-B-1: Зонные бусы травянисто-зеленого непрозрачного стекла (рис. 12, 21 – 2766/30) (см. Львова, 1968. С. 78, рис. 2, 42, IV группа, вторая подгруппа) (2 экземпляра). Раскоп П-8.

I-3-B-2: Бусы синего прозрачного стекла в форме тонкостенной трубочки с широким каналом (рис. 12, 22 – 2778/196). 2 экземпляра, раскоп П-8.

I-3-B-3: Бусина синего прозрачного стекла в форме граненой тонкостенной трубочки с широким каналом (рис. 12, 23 – 2766/49). Раскоп П-8.

I-3-B-4: Зонная бусина прозрачного голубого стекла (рис. 12, 24 – 2741/20) (П-2).

I-3-B-5: Битрапециодная бусина прозрачного синего (с фиолетовым оттенком) стекла, пропорции близки к 1:1. Раскоп П-2 (рис. 12, 25 – 2741/11)¹.

I-3-B – Бусы, выполненные в иной технике:

I-3-B-1: Боченовидные бусы глухого печеночно-красного и оранжевого стекла (см.: Львова, 1968. С. 72, рис. 2, 1, III группа)

¹ Простая форма приводит к очень широкому кругу аналогий, в т. ч. в Северной и Центральной Европе, напр. Pouliké, 1948. Tab. XXXIX, 38; Callmer, 1977. P. 89, 220).

(рис. 12, 26 – 2741/15; 27 – 2765/18). 2 экземпляра, раскоп П-2.

I-3-B-2: Бусы, изготовленные путем обработки стеклянной палочки (рис. 12, 28 – 2765/167; 29 – 2765/432) (см.: *Львова*, 1968. С. 91, рис. 4, 51 – 52, XI группа). 2 бусины – бесцветного прозрачного и синего прозрачного стекла (отличаются по форме).

I-3-G – Бусы, техника исполнения которых не очевидна:

I-3-G-1: Бусы неправильно округлой формы, сделанные из плохо сохранившегося крошащегося стекла желтого цвета, частично покрывшегося коричневой «корочкой»¹ (рис. 12, 30 – 2768/379). Ближе к центру бусины расстеклованная масса имеет легкий зеленоватый оттенок. Состояние стекла не позволяет уверенно говорить о технике изготовления этих бус. 2 экземпляра, раскоп П-8.

I-3-G-2: Бусина бесцветного прозрачного стекла, легкий оттенок цвета морской волны. Бусина оплавлена, форма близка округлой.

II. Бусы, декорированные серебряной фольгой (VIII группа, подгруппа 1 по З.А. Львовой).

В коллекции 56 экземпляров. 2 экземпляра бракованные, с заплывшим каналом. Отдельно назовем 7 экземпляров сердцевин бусин, с отпавшими фольгой и кантарелью.

II-1. Бусы, снабженные бесцветной прозрачной кантарелью, (серебростеклянные). 39 экземпляров (рис. 12, 31 – 2741/35).

II-1-a – одночастные – 26 экземпляров.

II-1-b – многочастные (2-4-частные) – 13 экземпляров.

II-2. Бусы, снабженные кантарелью желтого прозрачного стекла («псевдозолотостеклянные»). 17 экземпляров (рис. 12, 32 – 2741/31).

II-2-a – одночастные – 12 экземпляров.

II-2-b – многочастные (2 – 3-частные) – 5 экземпляров.

Большинство экземпляров (44 экземпляра) приходится на раскоп П-8.

III. Полихромные бусы.

(41 экземпляр – целые бусы и фрагменты).

III-1. Мозаичные бусы (I группа по З.А. Львовой). 4 экземпляра:

III-1-1 – Цилиндрическая мозаичная пронизка (рис. 12, 33 – 2748/5) (см.: *Львова*, 1968. С. 65, 67, рис. 1, 1 – 2, I группа). Найдена на раскопе П-2, в верхнем горизонте пахоты, перекрывающем аллювиальные отложения. Из условий обнаружения этой бусины следует, что к материалам раскопанной в 1999 – 2003 гг. части селища она прямого отношения не имеет.

III-1-2 – Оплавленная мозаичная бусина (рис. 12, 34 – 2778/104) (см.: *Callmer*, 1977. Colour Plate IV, G031(?)). Найдена в горизонте 2 раскопа П-8. Бусина была изготовлена из сваренных между собой мозаичных заготовок двух родов: первые несли рисунок «шахматной доски» в желто-синюю клетку, композиция вторых представляла собой белый глазок с красным центральным ядрышком на синем поле. Мозаичные заготовки соединялись также в шахматном порядке.

III-1-3 – Половина неправильно цилиндрической мозаичной бусины. Найдена при разборе заполнения ямы 38 раскопа П-8. Бусина изготовлена из нерегулярно сваренных мозаичных заготовок: ядрышко голубого стекла в желтовато-сером колечке обрамлено темными ресничками по белому полю. В тонком сколе видно, что реснички того же голубого стекла, что и ядрышко. Прямые аналогии нам не известны.

III-1-4 – Половина бусины в форме акkuratного 14-гранника (рис. 12, 35 – 2741/18). Оранжевое непрозрачное стекло с многочисленными глазками. Мозаичные глазки – черное ядрышко в белом и красном колечках (один глазок – оранжево-желтый). Сердцевина зеленого стекла. Найдена в горизонте 1 раскопа П-2. Опубликована (*Пушкина, Мурашева, Нефедов*, 2001. С. 18, рис. 5).

III-2. Бусы, сформованные из заготовки с мозаичными глазками (рис. 12, 36 – 2741/41). Бусы неправильно округлой («луковичной»)

¹ Рентгено-флюоресцентный анализ бус I-3-G-1, выполненный А.И. Якушевым, позволяет характеризовать стекло этих бус, как свинцово-силикатное. Велик соблазн сопоставить такой рецепт с древнерусским свинцово-силикатным стеклом, наиболее ранние образцы которого отмечены среди смальт Десятинной церкви (*Френкель*, 1997. С. 67). Однако свинцово-силикатная рецептура стекла относится к числу простых и в силу этого весьма широко распространенных рецептов, во второй половине X в. изделия из такого стекла встречались, хоть и не часто, на очень широкой территории. По этой причине мы никак не можем связывать бусы I-3-G-1 именно с древнерусской производственной традицией.

формы, изготовлены в результате обработки палочки желтого глухого стекла с мозаичными глазками: лиловое ядрышко в белом и лиловом колечках¹ (см. Бессарабова, 2001. С. 204 – 205, рис. 4, 1). 3 экземпляра, раскоп П-2.

III-3. Глазчатые бусы (см: *Медведева*, 1999. С. 262, рис. 1, 2 – 3) (рис. 12, 37 – 2768/313).

Наиболее многочисленная группа находок полихромных бус (14 экземпляров). Представлена только фрагментами, иногда мелкими. Все фрагменты отвечают бусам устойчивого облика: округло-эллипсоидным, синего прозрачного стекла (иногда с темной, грязно-синим оттенком). Канал кавернистый. Трехцветные глазки – голубое ядрышко окружено белым, лиловым и опять белым колечками (лиловое колечко всегда очень тонкое). Из 14 экземпляров 13 найдены при исследовании раскопа П-8.

III-4. Навитые бусы с мозаичными глазками (3 экземпляра):

III-4-1 – Неправильно цилиндрическая бусина глухого насыщенного травянисто-зеленого стекла (рис. 12, 38 – 2765/16). Рельефные мозаичные глазки – черное ядрышко в белом и красном колечках. Горизонта 2 раскопа П-2.

III-4-2 – Неправильно цилиндрическая бусина глухого черного стекла, глазки – голубое ядрышко, красные реснички по чередующемуся белому и желтому полям (рис. 12, 39 – 2778/19). Раскоп П-8.

III-4-3 – Неправильно цилиндрическая бусина насыщенного темно-лилового (кажущегося черным) стекла (рис. 12, 40 – 2768/219) (см. *Львова*, 1968. С. 77, рис. 3, 31, IV группа). Рельефные мозаичные глазки – лиловое ядрышко в белом и черном колечках, черные реснички по чередующемуся красному и белому полям. Глазки заключены в петли белого стекла. Раскоп П-8.

III-5. Половина цилиндрической бусины глухого желтого стекла (рис. 12, 41 – 2778/242). Видны гнезда выпавших глазков. Раскоп П-8.

III-6. Половина неправильно цилиндрической бусины насыщенного темно-лилового (кажущегося черным) стекла (рис. 12, 42 – 2778/329). Сердцевина белесо-серого стекла. В нерегулярных петлях, образованных пере-

сечением нитей желтого и белого стекла, помещены глазки – капли красного, зеленого и белого стекла. Бусина найдена при разборе ямы 40б раскопа П-8. Прямые аналогии нам не известны.

III-7. Неправильно цилиндрическая бусина насыщенного темно-лилового (кажущегося черным) стекла с 3 полихромными глазками (2 глазка рельефны) (рис. 12, 43 – 2768/405). В центре глазка белого стекла – капля синего стекла. Бусина найдена при разборе заполнения ямы 4а раскопа П-8. Близкие бусы найдены в Новгороде и Старой Ладоге.

III-8. Цилиндрическая бусина серо-зеленого просвечивающего стекла, дскорирована рельефным узором – колечками, петельками и каплями глухого желтого стекла (рис. 12, 44 – 2778/238) (см. *Львова*, 1968. С. 77, рис. 3, 43, IV группа). Зафиксирована как найденная в погребенном дерне раскопа П-8.

III-9. Продольно полосатые лимонovidные бусы (входят в VIII группу, подгруппу 2 по З.А. Львовой).

Представлены 11 экземплярами.

III-9-1 – Двухчастная пронизка синего прозрачного стекла с тонкими белыми продольными полосками (рис. 12, 45 – 2768/46). (см. *Львова*, 1968. С. 85, рис. 4, 23). Раскоп П-8.

Прочие экземпляры этой группы – одночастные лимонovidные бусины:

III-9-2 – 3 экземпляра бус темно-белой гаммы (рис. 12, 46 – 2748/95) (см. *Львова*, 1968. С. 85, рис. 4, 24). 2 экземпляра из раскопа П-8, еще одна похожая бусина – в раскопе П-2.

III-9-3 – Шесть экземпляров бус с чередующимися желтыми и красными или коричневыми полосками (рис. 12, 47 – 2741/43). (см. *Callmer*, 1977. Colour Plate III, E171T). Найдены при разборе горизонтов 2 и 3 раскопа П-2. У бус заметна сердцевина бесцветного прозрачного стекла.

III-9-4 – Один экземпляр, найденный при разборе горизонта 3 раскопа П-2, выделяется разноцветными полосками желто-красно-сине-белой гаммы (рис. 12, 48 – 2741/24). Сердцевина прозрачного желтоватого стекла.

¹ З.Д. Бессарабова, выделившая подобные бусы в особую группу, предположила иную схему их изготовления, которую мы не разделяем.

И схема расположения полос разных цветов, и пропорции бусины, и характеристики стекла сердцевины не позволяют отнести данный экземпляр к многочисленным стандартизованным экземплярам продольно полосатых лимонovidных бус и пронизок последней четверти I тысячелетия, несмотря на кажущуюся близость формы и хроматической гаммы декора.

IV. Фаянсовые бусы.

В коллекции представлены 2 бусины. Форма поперечного сечения бус – асимметричная пятилучевая розетка (рис. 12, 49 – 2741/22). Иногда такие бусы называют ребристыми или реберчатыми (Каменецкая, 1991. С. 131, 164). Далее будем называть их ребристыми фаянсовыми. Одна бусина найдена в заполнении ямы 40 раскопа П-8, вторая – при разборе горизонта 2 раскопа П-2. Цвет поверхности первой из указанных – серо-голубой, у второй бусины цвет глазури более насыщенный, ближе к оттенку морской волны.

V. Каменные бусы¹.

В коллекции представлено 14 бусин (целых и фрагментированных) из поделочных камней: 6 экземпляров из горного хрусталя, 5 – из сердолика, по одному из агата, агат/халцедона и сланца. На раскопе П-8 было найдено 9 экземпляров каменных бус, на раскопе П-2 – 5 экземпляров.

V-1. Хрустальные бусы. Они представлены следующими формами:

V-1-1 – Шаровидные. Найдено 2 экземпляра: в заполнении ямы 1 раскопа П-8 и фрагмент – при разборе горизонта 3 раскопа П-2.

V-1-2 – Битрапецидные с граненым пояском (по пропорциям близки к шаровидным) (рис. 12, 50 – 2768/297) (см. Полубояринова, 1994. С. 76 – 77, рис. 1, 9) Найдено 2 экземпляра: в заполнении ямы 1 раскопа П-8 и фрагмент – при разборе горизонта 2 раскопа П-2.

V-1-3 – Продольно подграненные эллипсоидные (в продольном сечении дают неправильный дважды поперечно усеченный эллипс, в поперечном сечении – шестиугольник) (рис. 12, 51 – 2778/204) (см. Callmer, 1977. Plate 21, S0061). Найдено 2 экземпляра, оба в материалах раскопа П-8: очаг 2, яма 42.

V-2. Сердоликовые бусы. Представлены следующими формами:

V-2-1 – Неправильной шаровидной формы (рис. 12, 52 – 2768/367). Найдено 2 экземпляра, оба в материалах раскопа П-8.

V-2-2 – Многогранная шаровидная (бусина формой похожа на битрапецидную, но без четкого граненого пояса, а с 5 – 6 угольными фасетками) (рис. 12, 53 – 2778/6). (См.: Callmer, 1977. Plate 22, T0101; Давидан, 1998. С. 124, рис.1, 4). Раскоп П-8.

V-2-3 – Плоская дисковидная, с пояском по боковой грани (рис. 12, 54 – 2778/420). (См. Callmer, 1977. Plate 21, T0052; Давидан, 1998. С. 124, рис.1, 5). Раскоп П-8.

V-2-4 – 14-гранная (рис. 12, 55 – 2741/57) (см. Callmer, 1977. Plate 22, T0076). Раскоп П-2.

V-3 – Бусы из агата или агата/халцедона. 2 экземпляра. Представлены следующими формами:

V-3-1 – Шаровидная (рис. 12, 56 – 2748/88). Раскоп П-2, горизонт 3-а.

V-3-2 – Битрапецидная с граненым пояском (по пропорциям близка к шаровидной) (рис. 12, 57 – 2741/56). Раскоп П-2.

V-4. Сланцевая бусина.

Фрагмент (четверть) бусины зеленого сланца, 4-гранной (?) в поперечном сечении, вытянутой прямоугольной в продольном сечении (рис. 12, 58 – 2778/382). Был найден при разборе горизонта 2 раскопа П-8.

VI. Янтарные бусы.

В коллекции присутствуют 4 экземпляра янтарных бус и их фрагментов (3 находки и 1 находка в материалах раскопов П-8 и П-2 соответственно).

В углистом слое ямы 28 и при разборе горизонта 2 раскопа П-8 были найдены 2 целые и 1 фрагментированная янтарные бусины. Одна бусина из углистого слоя заполнения ямы 28 имела форму диска с закругленными гранями. Так же реконструируется форма бусины, фрагмент которой был найден при разборе горизонта 2. Форма продольного сечения второй бусины из углистого слоя ямы 28, как и у двух указанных, также круглая; ее поперечное сечение имеет форму трапеции.

При разборе горизонта 2 раскопа П-2 была найдена половина крупной битрапецидной бусины (рис. 12, 59 – 2765/50).

¹ Минералогическое определение каменных и янтарных бус проведено научным сотрудником лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН А.И. Якушевым.

Кроме того, при разборе заполнения ямы 1 раскопа П-8 было найдено 2 небольших куска янгаря (фрагменты бус?).

Рассмотрим существующую стратиграфическую колонку, выявленную в ходе рас-

копок на исследованной пойменной части селища¹. В рамках предлагаемого сюжета укажем лишь на некоторые стратиграфически выделяемые периоды жизни исследованной части селища.

2. Выделение и сопоставление наборов бус по раскопам П-2 и П-8 и по стратиграфическим горизонтам внутри раскопов

П-8.

Культурные напластования и объекты раскопа разделяются горизонтом нивелировки (рис. 1). Этот горизонт является стратиграфическим рубежом, разделяющим два периода жизни на затронутом этим раскопом локусе селища. Будем называть эти периоды «ранним» и «поздним».

Ранний период соответствует начальному обживанию участка П-8. На протяжении раннего периода сооружаются ямы 4, 4а, 4б, 4в, 8, 31/33, 40а, 40б, 46, 46а. Стратиграфически читается определенная последовательность появления одних ям и прекращения функционирования других. Последние ямы раннего периода перекрываются горизонтом нивелировки.

На протяжении следующего (позднего) периода, отвечающего стабильной жизни на поселении после проведения нивелировочных работ, появляются ямы 1, 30, 39, 40, 42, «постройка», очаги 1 и 2. Относительная хронология времени сооружения этих углубленных в землю конструкций определяется прорезанием ими как горизонта нивелировки, так и друг друга. В свою очередь, последние из этих конструкций после прекращения жизни на участке раскопа П-8 перекрываются горизонтом аллювиальных отложений. Прекращение жизни на этом локусе поселения связано с неким событием катастрофического характера, о чем свидетельствуют следы пожара и массовое выпадение в слой находок, в том числе ценных. Поздние ямы впущены из горизонта 2 и перекрыты этим горизонтом. Но культурные напластования горизонта 2 вне ям стратиграфически не разделимы, и вычленить субгоризонт, отвечающий указанной катастрофе, не удастся. После запустения культурный слой интенсивно разрушался (размывался паводка-

ми). Стратиграфически заключительной стадии этого процесса отвечает горизонт 1, материалы которого составляют смысловое целое с материалами горизонта 2.

В приведенной схеме менее очевидны позиции, занимаемые углубленной в землю конструкцией, состоящей из ямы 28, имеющей слоистое заполнение, и ямы 28а, сооруженной в донной части ямы 28, а также ямами 27, 38 и 47, мало выразительными как стратиграфически, так и по вещевому материалу. Сложность заключается в невозможности отнести эти ямы с горизонтом нивелировки.

П-2.

На раскопе П-2, топографически близком к раскопу П-8, зафиксирована свита слоев (горизонты 5 – 1). Горизонт 1 этого раскопа, как и на соседнем раскопе, является результатом геогидрологического разрушения горизонта 2. Горизонт 2 раскопа П-2 также обнаруживает сходство с горизонтом 2 раскопа П-8: его концу отвечает некое катастрофическое событие, связанное с пожаром. Горизонту 3 отвечает стабильный период жизни данного локуса. Горизонт 4 сложен истлевшими и оторфованными фрагментами древесины – следами интенсивного строительства. Особую позицию занимает песчанно-углистая прослойка, фиксируемая между горизонтами 4 и 3 – т. н. горизонт 3а. Составляющий эту прослойку культурный слой «сполз» с террасы вниз² вскоре после окончания формирования горизонта 4, и частично перекрыл его.

Самый нижний горизонт 5, бедный находками, представляет собой слоистый массив песка, включающий небрежную деревянную наброску и перекрывающий «болотину».

Существенным отличием от раскопа П-8 является то, что на раскопе П-2 ям почти не обнаружено.

¹ См. статьи В.В. Мурашевой, С.А. Авдусиной и В.В. Мурашевой, Н.В. Ениосовой, А.А. Фетисова в настоящем сборнике.

² См. статью В.В. Мурашевой и С.А. Авдусиной в настоящем сборнике.

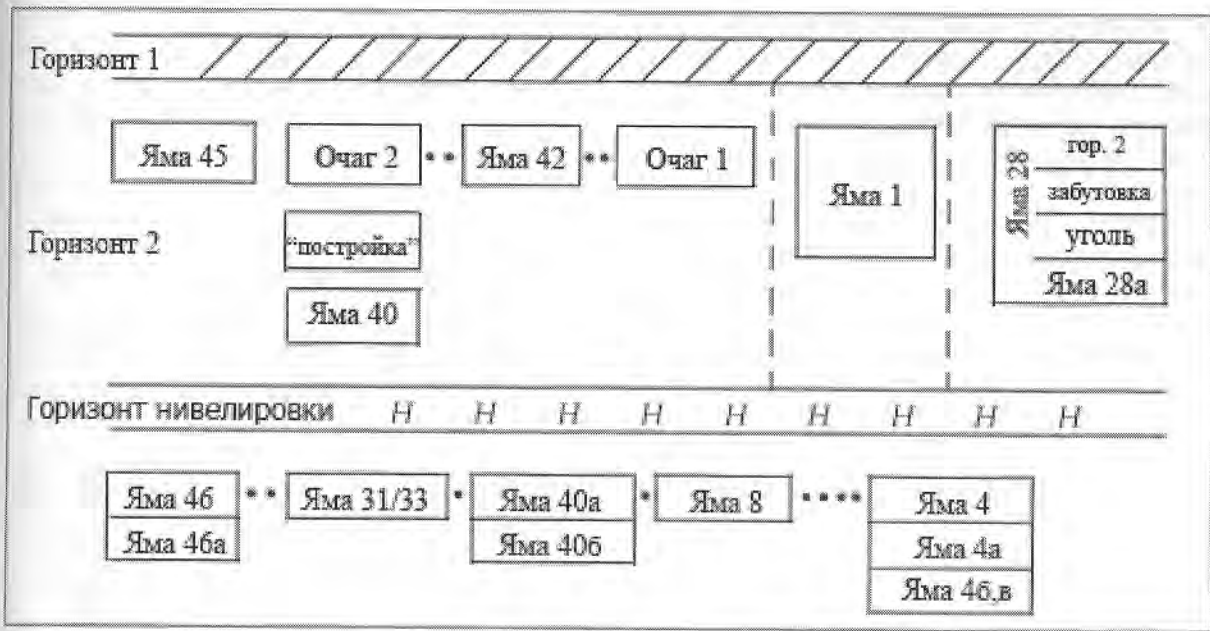

Рис. 1. Схема стратиграфии ям раскопа П-8.

Рассмотрим, нельзя ли выделить на участке П-8 различающиеся наборы бус, характерные для двух (раннего и позднего) периодов жизни поселения. Далее попробуем соотнести эти наборы с бусами горизонтов раскопа П-2.

Бусы раскопа П-8.

Бусы, бесспорно попавшие в слой и в заполнение ям на протяжении раннего периода, насчитывают 89 экземпляров. Это сумма складывается из двух составляющих.

Во-первых, из 5 бусин, записанных в полевой документации, как найденные при разборе погребенного дерна (предматерика) (рис. 2, 1 – 5).

Во-вторых, из бус, найденных в заполнении ям 4, 4а, 4б, 4в, 8, 31/33, 40а, 40б, 46, 46а (рис. 2, 6 – 18; рис. 3, 1 – 18).

Остановимся подробнее на вопросе о маленькой серии бус, зафиксированных в погребенном дерне. Если трактовать эти бусы именно так, как они значатся в полевой документации, то эти бусы являются наиболее ранними. Тогда время самого начала обживания исследованного участка П-8 непосредственно вычисляется из интервалов бытования данных бус.

Но погребенный дерн прорезается многочисленными ямами, сооруженными в предшествующее нивелировочным работам время. Взаиморасположение этих ям и сложная их стратиграфия (ямы прорезают и перекрывают друг друга) неизбежно указывают на какое-то протяженное во времени функционирование поселения на этом участке до момента прове-

дения нивелировочных работ. Однако горизонт культурного слоя, отвечающего времени функционирования перечисленных ям, стратиграфически вычленив вне ям не удастся. Это может означать только одно: интенсивность накопления культурного слоя была не велика, и в результате то немногое, что выпало в «межямное пространство», было вбито, «втоптанно» в погребенный дерн. Тогда слабо гумусированная супесь, принимаемая на этапе полевой фиксации за погребенный дерн, оказывается результатом смешения верха погребенного дерна и тонкой прослойки культурного слоя, отложившегося за предшествующее нивелировочным работам время. Такая трактовка снимает противоречие, возникающее из формального анализа стратиграфии.

Таким образом, на наш взгляд, корректнее говорить не о бусах из погребенного дерна, а о бусах, утерянных на предшествующем нивелировочном этапе существования поселения. По этим бусам можно вычислить не время самого начала обживания данного участка, а более протяженный временной интервал от начала обживания и до момента проведения нивелировочных работ.

Непосредственно при разборе самого горизонта нивелировки – прослойки бедной находками супеси – было обнаружено 7 бусин (рис. 3, 32 – 34). Вместе с ними рассматриваемая серия ранних бус насчитывает 96 экземпляров.

Следующему (позднему) периоду, закончившемуся прекращением жизни на этом локусе поселения, отвечает более много-

численная серия бус, насчитывающая более 302 экземпляров. Помимо бус из ям 1, 30, 39, 40, 42, из «постройки» и очагов 1 и 2, в это число входит представительная серия из 138 бусин, собранных при разборе горизонтов 2 и 1 (рис. 4).

Сравнение двух наборов бус (бусы, утерянные до и после нивелировочных работ) уместно начать со сразу бросающегося в глаза наблюдения: для раннего периода бус в ямах оказывается явно меньше. Если учитывать только бусы, найденные при разборе заполнения сооружений, то в среднем на яму раннего периода приходится около 8 бусин, в то время как соответствующее значение для позднего периода составляет около 21 бусины.

Отличаются и наборы бус. В ямах раннего периода не встречаются бусы из природных материалов. Для заполнения большинства ям, перекрытых горизонтом нивелировки, не характерен бисер зеленого, бирюзового и красного стекла (I-2-2, 4, 6). Очень немногочислен синий бисер (I-2-3). А вот бисер белесого просвечивающего стекла (I-2-5) встречается часто, в заполнении каждой второй ямы. Не встречаются или практически не встречаются лимонovidные бусы — как цветного стекла (I-1-1-1; I-1-2, 3, 4, 5) так и одночастные серебростеклянные и «псевдозолотостеклянные» (II-1-а, II-2-а). При этом многочастные серебростеклянные пронизки II-1-б (рис. 2, 14, 16) сравнительно многочисленны (5 экземпляров, в т. ч. один бракованный (рис. 2, 14). Полихромные бусы раннего периода III-6, III-7, III-8 (рис. 2, 1, 11, 15), при очевидной морфологической несхожести, характеризуются близкой несложной техникой декора: аппликация нитями и каплями стекла.

Указанные закономерности, при этом, не распространяются на наборы бус из ям 4, 31/33 (рис. 3, 1 — 11, 12 — 18) и из самого горизонта нивелировки (рис. 3, 32 — 34) (см. ниже).

Набор бус, происходящих из ям и культурного слоя позднего периода (после нивелировочных работ) совсем иной (рис. 4). Появляется много новых типов бус. Характерен бисер зеленого, синего, бирюзового и красного прозрачного стекла (I-2-2, 3, 4, 6, рис. 4, 23 — 27), многочисленные «лимонки» и многочастные пронизки, как цветного стекла (I-1, рис. 4, 18 — 22) (желтого, синего, фиолетового, морской волны, бесцветного прозрачного стекла), так и декорированные серебряной

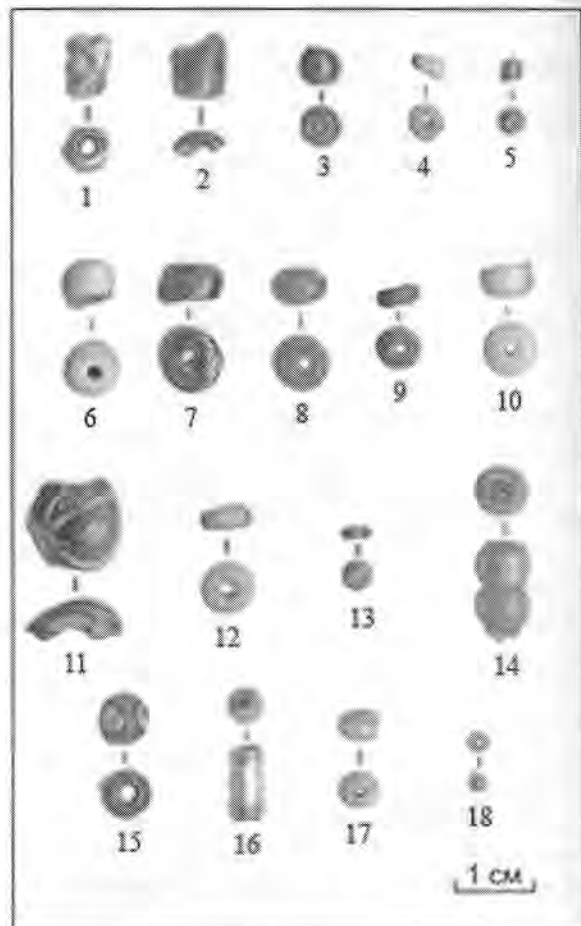

Рис. 2. Раскоп П-8. Бусы раннего периода. 1 — 5 — погребенный дерн; 6 — 10 — яма 4в; 11 — 13 — яма 40б; 14 — яма 4б; 15 — 18 — яма 4а.

фольгой (II-1-а, II-2-а, II-2-б, рис. 4, 15—17). Здесь встречены все бусы в виде тянутой трубочки (I-2-а), одноцветные бусы, изготовленные из тянутой стеклянной палочки (I-3-В-2). Именно в ямах позднего периода встречено большинство экземпляров бракованных бус.

Встречаются в материалах позднего периода и бусы, характерные для раннего периода (белесый бисер I-2-5 (рис. 4, 28), многочастные серебростеклянные II-1-б), но их доля в общем числе бус резко уменьшается.

Иной облик имеют и полихромные бусы. Встречаются бусы с мозаичными глазками (решетчатый узор), в том числе заключенными в петли белого стекла (III-4-2, 3, рис. 4, 4 — 5). Большой серией представлены фрагменты глазчатых бус (III-3, рис. 9). Заметное место занимают зонные кольцевидные бусы синего стекла (I-3-А, рис. 4, 12), лимонovidные продольно-полосатые бусы темной-белой цветовой гаммы (III-9-2, рис. 4, 3), бусы из полудрагоценных камней — хрусталь-

ные (V-1-1, 3, рис. 4, 7 – 8) и сердоликовые (V-2-2, 3, рис. 4, 9 – 10). Таким образом, и материал, и морфологический ассортимент, и полихромия, и приемы нанесения декора, и количественный фактор резко отличают набор бус позднего периода существования поселения от набора бус раннего периода.

Нужно сделать важное замечание. Выше, говоря о ямах раннего периода, мы особо выделяли ямы 4 и 31/33. Ямы эти перекрыты горизонтом нивелировки, с точки зрения стратиграфии их позиция не вызывает сомнения. Но бусы, найденные в этих ямах, равно как и бусы из самого горизонта нивелировки, обнаруживают отчетливое сходство с набором бус позднего периода. В заполнении ям 4 и 31/33 обнаружен зеленый и бирюзовый бисер (I-2-2, 4, рис. 3, 9, 16, 18), лимонovidные бусы желтого, фиолетового (I-1-1-1, I-1-3, рис. 3, 7, 5, 12) (для ямы 4 и синего I-1-2, рис. 3, 6) стекла, лимонovidные серебростеклянные бусы (II-1, II-2-а, рис. 3, 13 – 14, 8); в яме 4 найден фрагмент глазчатой бусины III-3 (рис. 3, 1), аналогичный многочисленной серии фрагментов таких бус перекрывающего горизонта (рис. 9). Наконец, немаловажным обстоятельством является само обилие бус в этих двух комплексах. По числу найденных бус (32 и 16 экземпляров для ям 4 и 31/33 соответственно) эти два комплекса являются «лидерами» среди ям раннего периода. Нам могут возразить, что обилие бус в данных ямах и является формальной причиной сходства бус, происходящих из данных ям, с набором бус позднего периода. Но определяющими в данном случае являются стеклянные бусы именно массового производства: одночастные лимонovidные бусы с серебряной фольгой никак нельзя назвать редкостью на памятниках заключительной фазы раннего средневековья, при этом они отсутствуют в материалах раннего периода за исключением экземпляров, найденных в указанных двух ямах. А вот многочастные серебростеклянные пронизки II-1-б в материалах раннего периода представлены, причем в таком же количестве, что и в материалах позднего периода. Лимонovidные бусы фиолетового стекла I-1-3 присутствуют в материалах позднего периода в количестве 36 экземпляров; в предшествующее нивелировке время отложилось семь экземпляров таких бус, причем шесть – вновь в заполнении ям 4 и 31/33 (4 и 2 соответственно) (рис. 3, 5, 12). Седьмая такая бусина

была зафиксирована в поле, как найденная в погребенном дерне (рис. 2, 3), но, учитывая сделанное выше замечание о погребенном дерне, это не означает, что она была утеряна раньше времени сооружения ям 4 и 31/33.

Бисер зеленого стекла I-2-2 тоже не назовешь редкой находкой. Из 12 экземпляров зеленого бисера, найденного в ямах раннего периода, 10 приходится на ямы 4 и 31/33 (7 и 3 экземпляра соответственно) (рис. 3, 9, 16). Два прочих экземпляра делят между собой ямы 4а (рис. 2, 18) и 8.

Похожая картина получается и при рассмотрении небольшой серии из 7 бусин, найденных при разборе самого горизонта нивелировки. Эту серию составляют 3 лимонovidные бусы: 1 желтого стекла I-1-1-1 (с заплывшим каналом), 2 серебростеклянные II-1-а (рис. 3, 32), и округлая сердоликовая бусина V-2-1 (рис. 3, 34). Такой набор бус прекрасно соответствует набору бус позднего периода, комплексы которого отделены от комплексов раннего периода тем горизонтом нивелировки, из которого данный рассматриваемый набор как раз и происходит.

Если учесть, что ямы 4 и 31/33 – исходя из стратиграфической колонки раскопа П-8 (рис. 1) – входят в число объектов, которые являются самыми поздними сооружениями, предшествующими нивелировочным работам, а горизонт нивелировки сам по себе является стратиграфическим рубежом, то можно сделать обоснованное заключение: набор бус позднего периода сформировался незадолго до появления горизонта нивелировки. Тогда ямы 4 и 31/33, хоть и перекрытые горизонтом нивелировки, на основании набора найденных в заполнении бус не должны рассматриваться вместе с прочими ямами раннего периода. Эти два комплекса, скорее, следует понимать, как самые ранние ямы с набором бус позднего периода. (При этом наиболее близкой им по набору бус является углистый слой ямы 28, о чем речь пойдет ниже).

Итак, для ям участка П-8 выделяются два различающихся бусинных набора: более ранний (рис. 2) и более поздний (рис. 4). При этом хронологический рубеж, разделяющий комплексы с указанными наборами, не совпадает с рубежом периодизации жизни на поселении, определяемым из формально стратиграфических соображений.

Учитывая сказанное выше, прокомментируем бусы из заполнения сооружения, состоящего из ям 28 и 28а (рис. 3, 19 – 31).

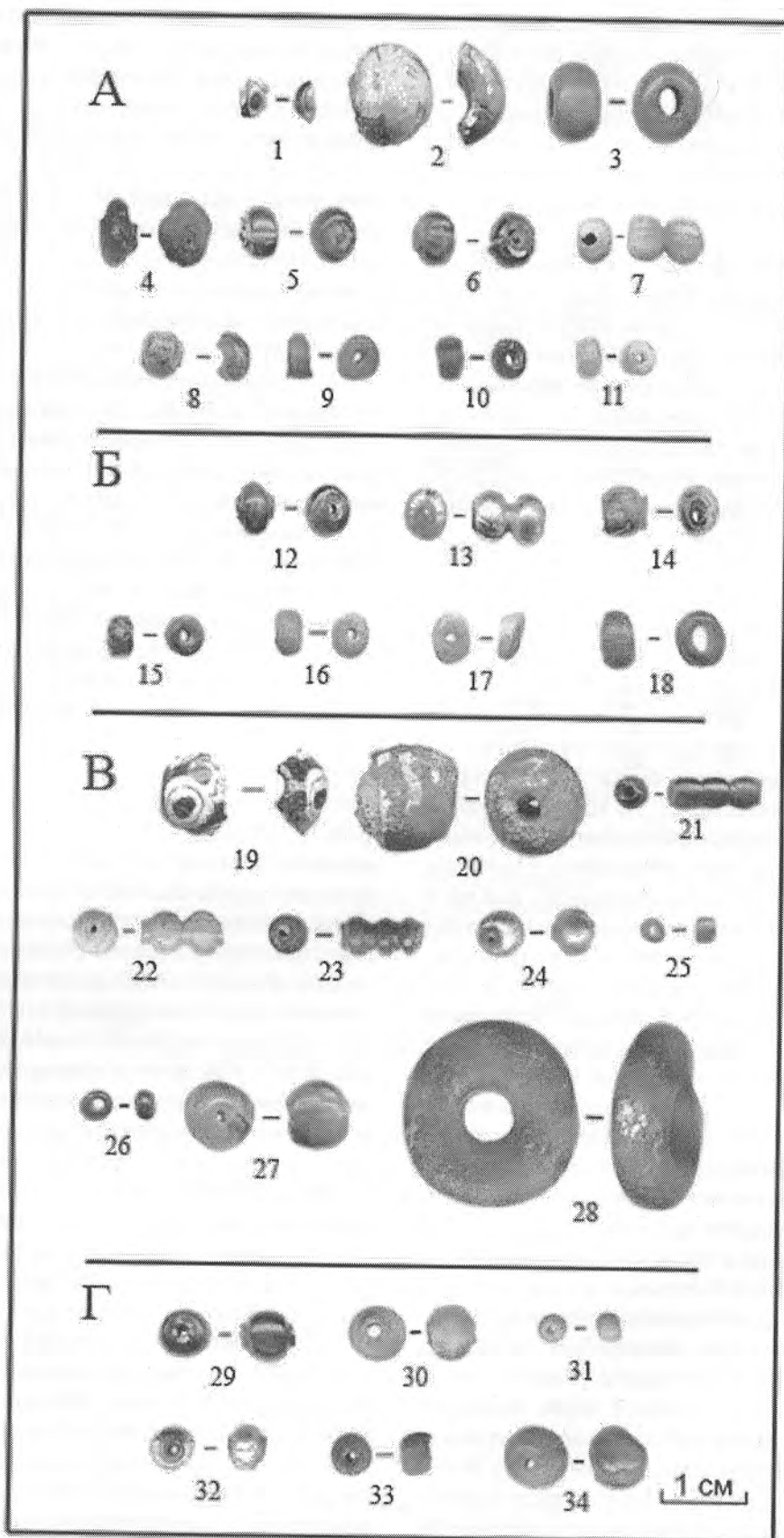

Рис. 3. Бусы раскопа П-8.

А – яма 4;

Б – яма 31/33;

В – яма 28 (углистый слой);

Г:30 – 32 – яма 28а; Г:34 – 35 – горизонт нивелировки.

1 – 27, 30 – 33 – стекло;

27, 34 – сердолик;

28 – янтарь.

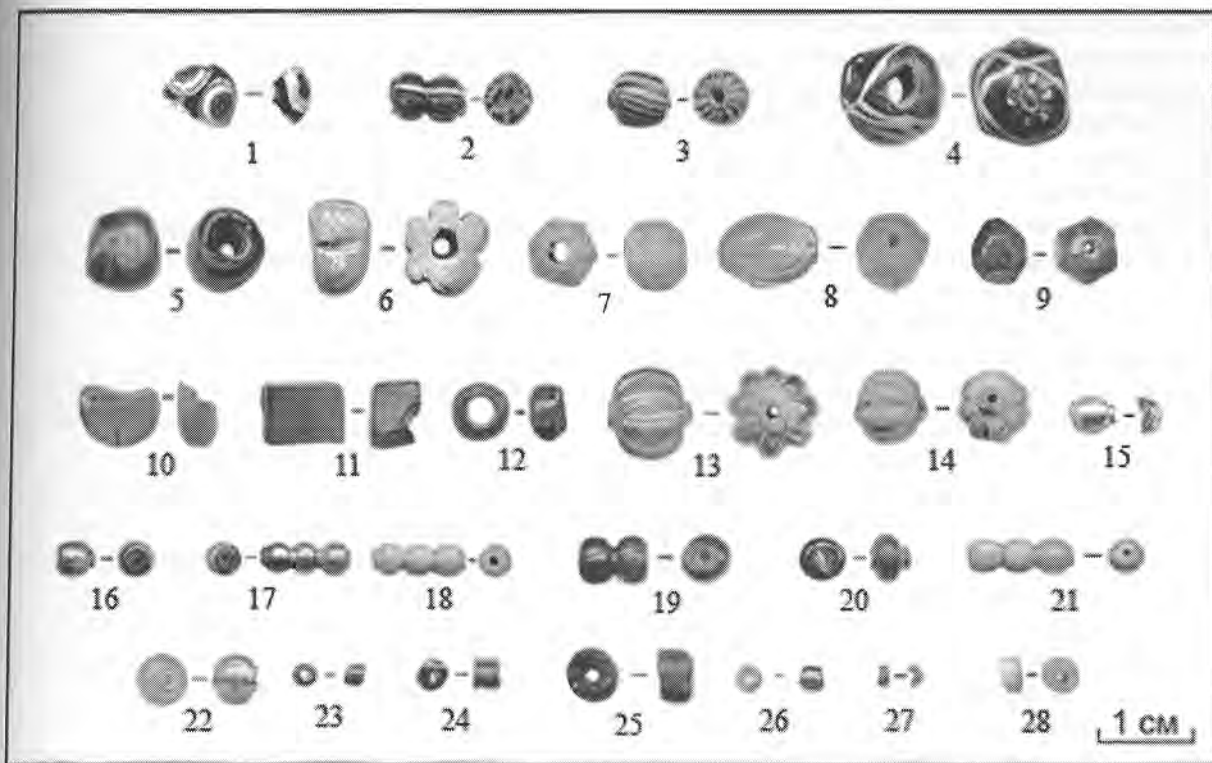

Рис. 4. Раскоп П-8. Бусы позднего периода.

1, 8, 23 – 27 – яма 1; 2 – 4, 10 – 16, 18 – 22, 28 – горизонт 2; 5 – очаг 1; 6 – яма 40; 9 – очаг 2; 17 – яма 42.
1 – 5, 12 – 28 – стекло; 6 – фаянс; 7 – 8 – хрусталь; 9, 10 – сердолик; 11 – сланец.

Заполнение этой конструкции имеет ярко выраженный слоистый характер. В придонной части ямы 28 находится углистый слой, перекрывающий заполнение ямы 28а, сооруженной в дне ямы 28. По указанным выше признакам (наличие бисера зеленого и синего стекла (I-2-2, 3, рис. 3, 25, 31) лимонovidных бус синего и лилового стекла (I-1-2, 3, рис. 3, 23, 29, 21) одночастных серебростеклянных (II-1-а, рис. 3, 24) и многочастных «псевдозолотостеклянных» (II-2-б) лимонovidных бус) бусы из углистого слоя ямы 28 и из заполнения ямы 28а относятся к тому же набору, что и бусы ям 4, 31/33, 30, 39, 40, 42, т.е. к бусам позднего периода. Однако тут есть определенная градация «похожести». В углистом слое ямы 28 найдена одна из двух округлых сердоликовых бусин V-2-1 (рис. 3, 27), вторая была найдена при разборе горизонта нивелировки (рис. 3, 34) (выше горизонта нивелировки были найдены сердоликовые бусы иных форм). В том же углистом слое ямы 28 встречена шаровидная бусина крошащегося низкокачественного желтого стекла I-3-Г-1 (рис. 3, 20), вторая такая бусина происходит из заполнения ямы 4 (рис. 3, 2). Единственная глазчатая бусина III-3, перекрытая горизонтом нивелировки, происходит из ямы 4

(рис. 3, 1), бусина III-3 была также найдена в углистом слое ямы 28 (рис. 3, 19).

Из этого следует, что серия бус из углистого слоя ямы 28 и заполнения ямы 28а в первую очередь близка к сериям бус, найденным в самых ранних ямах с «поздним» набором бус – именно в ямах 4 и 31/33.

Конечно, наблюдаемая разница не всегда является абсолютной. Для некоторых разновидностей бус массового производства иногда надо говорить не об абсолютном доминировании, а о заметном их преобладании в материалах того или иного периода. Бусинные наборы сменялись не резко, а с некоторым хронологическим «перехлестом». Уже говорилось о зеленом бисере. Укажем еще на два примера такого рода.

Бисер белесого стекла I-2-5 (5 экземпляров) обнаружен в 4 (из 8) ямах раннего периода (ямы 4в, 4а, 40а и 46 – рис. 2, 10). Для позднего периода такой бисер встречен в яме 4 (1 экземпляр, рис. 3, 11), яме 30 (1 экземпляр) и в материалах финального горизонта 2 (4 экземпляра (рис. 4, 28)). Как можно видеть, количество подобного бисера в материалах позднего периода даже несколько больше. Но для позднего периода соотношение ям с бисером

белесого стекла к общему числу ям этого периода совсем иное – 2 : 12 (помним при этом о «переходном» характере ямы 4). Кроме того, если взять отношение количества бисера белесого стекла к количеству бисера желтого стекла в раннем и в позднем периоде, то разница становится еще более заметной – 7 : 6 для раннего периода, 53 : 7 для позднего.

Неоднозначна и позиция синего бисера I-2-3. Из 5 экземпляров, относящихся к материалам раннего периода, 3 приходится на одну из самых ранних ям – яму 4в. Но из этих 3 экземпляров 2 бисерины выделяются своими размерами и очертаниями (рис. 2, 7 – 8). Они в наибольшей степени сопоставимы с крупным «классическим» ладожским бисером-«горбушкой» (Львова, 1968. С. 96). Единственная подобная синяя бисерина такого облика происходит из заполнения «поздней» ямы 1 (рис. 10, 3).

Такие наблюдения нельзя игнорировать, но и переоценивать, на наш взгляд, не стоит. Депозиция находок в финальный горизонт 2 раскопа П-8 происходила в два приема. Какая-то часть бус выпадала в слой на протяжении «стабильной фазы» формирования горизонта 2. На начальной стадии этой «стабильной фазы» происходит завершение замещения раннего бусинного набора поздним. Как мы уже говорили, началось это замещение незадолго до проведения нивелировочных работ – появлением новых (или ранее редких) бус (ямы 4 и 31/33). Завершением такого процесса будет постепенное выпадение в слой (утеря) последних бус, характеризующих ранний набор.

Т.е. после нивелировочных работ какое-то время терялись те же бусы, что и до нивелировочных работ. Это именно утеря, а не вертикальное перемещение бус в слое после депозиции из-за каких-либо естественных причин (этому противоречит целостность горизонта нивелировки).

Среди комплексов раскопа П-8 есть ямы, стратиграфическое соотношение которых с горизонтом нивелировки не прослеживается. Помимо рассмотренного выше сооружения, представленного ямами 28 (углистый слой) и 28а, это относится к ямам 27 и 47. Попробуем сопоставить бусы, найденные в заполнении этих ям с двумя бусинными наборами, о которых речь шла выше.

В заполнении ямы 27 найдена единственная бусина – поврежденная двухчастная пронизка непрозрачного стекла цвета морской

волны (I-1-4). Обе подобные ей бусины (лимоновидная и трехчастная пронизка) найдены при разборе горизонта 2.

При разборе заполнения ямы 47 было найдено 2 бусины: экземпляр синего бисера I-2-3 и одночастная «псевдозолотостеклянная» бусина П-2-а. Подобные бусы в большей степени характерны для позднего периода, и только в комплексах позднего периода отмечено сочетание таких бус. Это позволяет отнести яму 47 также к позднему периоду.

Бусы раскопа П-2.

На раскопе П-2, в отличие от раскопа П-8, ям почти нет, зато отчетливо прослеживается дробная стратиграфия.

Ранние горизонты 5 и 4 бедны бусами, равно как и другими находками. Связано это со спецификой генезиса этих горизонтов. Горизонт 5 характеризуется следами работ по благоустройству топкой болотины; горизонт 4 образовался как результат интенсивной строительной деятельности (строительные работы могли продолжаться сравнительно недолго).

При разборе горизонта 5 найдено только 2 бусины (фрагмент глазчатой III-3 (рис. 5, 11) и желтая двухчастная пронизка I-1-1-1 (рис. 5, 12)), в толще горизонта 4 найдено 10 бус (4 экземпляра бус желтого стекла I-1-1-1 – 2 пронизки и 2 мелких фрагмента (рис. 5, 5 – 8), 3 синие пронизки I-1-2 (рис. 5, 2 – 4), серебростеклянная П-1-а (рис. 5, 9), синий бисер I-2-3 (рис. 5, 10) и битрапецидная I-3-Б-5 (рис. 5, 1), напротив, бусы, собранные при разборе горизонтов 3 и 2 (и горизонта 1) составляют подавляющее большинство бус, собранных на раскопе П-2 (142 экземпляра). Материалы горизонта 3 дают 43 бусины, горизонт 3а – одну бусину, горизонты 2 и 1 – суммарно 96 бус, 1 бусина происходит из ямы 1 этого раскопа (еще про одну бусину можно сказать только, что она происходит из горизонтов 1 – 3). При одинаковой площади раскопов П-2 и П-8 обращает на себя внимание, что для обоих раскопов при разборе образовавшихся на финальном этапе существования поселения наиболее поздних горизонтов (без учета найденных в заполнении ям) было найдено количественно близкое число бус, при этом количество таких бус раскопа П-8 несколько преобладает (127 против 96).

Хотя площади раскопов и близки, но раскоп П-8 буквально изрыт ямами. По этой

причине прямое сопоставление количества бус мало что дает.

Еще одним фактором, влияния которого нельзя не учитывать, является разная методика раскопок, практиковавшаяся на раскопах П-2 и П-8: в первом случае слой только разбирали, во втором – разобранный слой тотально промывался. Опыт показывает, что насколько бы тщательно не производилась разборка слоя без промывки, какая-то часть артефактов утрачивается. Возможно, это объясняет, почему бисера на участке П-2 сравнительно немного.

Данные замечания необходимо учитывать, соотнося интенсивность жизни на исследованных участках пойменной части селища. Непосредственно из количества утерянных бус на соседних раскопах выводов о сравнительной продолжительности стабильных фаз сделать нельзя.

Обратимся к бусам горизонтов 1 – 3. В целом набор этих бус похож на набор бус позднего периода раскопа П-8. Обнаруживаемые различия можно сформулировать в виде ответов на следующие 2 вопроса:

1. Какие бусы, заметные среди материалов позднего периода раскопа П-8, не встречаются или почти не встречаются среди материалов горизонтов 1 – 3 раскопа П-2?

2. Какие бусы, заметные среди материалов горизонтов 1 – 3 раскопа П-2, не встречаются или почти не встречаются среди материалов позднего периода раскопа П-8?

Перечень типов бус, являющийся ответом на первый вопрос, сравнительно невелик. В материалах раскопа П-2 не встречается бисер красного прозрачного стекла, заметно меньше синего бисера, вообще бисера сравнительно мало (см. выше). Отсутствуют лимоновидные бусы лилового прозрачного стекла (за исключением одной 8-частной (!) пронизки – рис. 6, 24). Не встречаются «лимонки» бесцветного прозрачного стекла. Сравнительно не много найдено бус, декорированных серебряной фольгой. Совсем нет глазчатых бус.

В перечень бус, являющихся ответом на второй вопрос, входят по преимуществу бусы значительного размера. На раскопе П-2 найдено абсолютное большинство желтых «лимонок» с бесцветной прозрачной сердцевинкой I-1-1-2 (рис. 11). Эти бусы типичны именно для горизонтов 1 – 3 раскопа П-2, среди материалов раскопа П-8 их практически нет.

В горизонтах 1 – 3 раскопа П-2 найдены все 3 полихромные бусины III-2 (рис. 6, 2) и обе бочонковидные бусины I-3-B-1 (рис. 6, 14). В этих горизонтах найдено и боль-

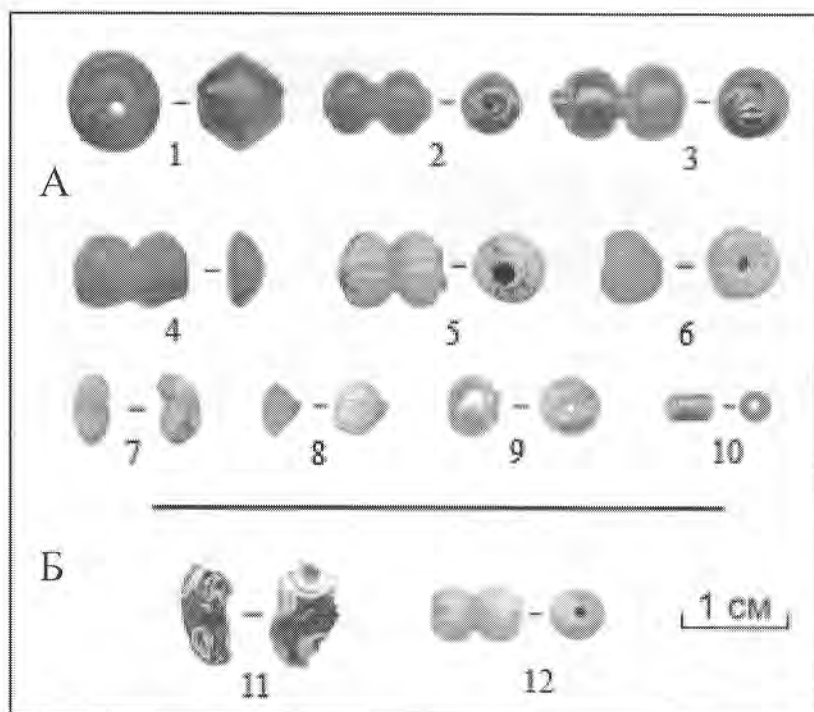

Рис. 5. Бусы раскопа П-2.
А – горизонт 4; Б – горизонт 5.

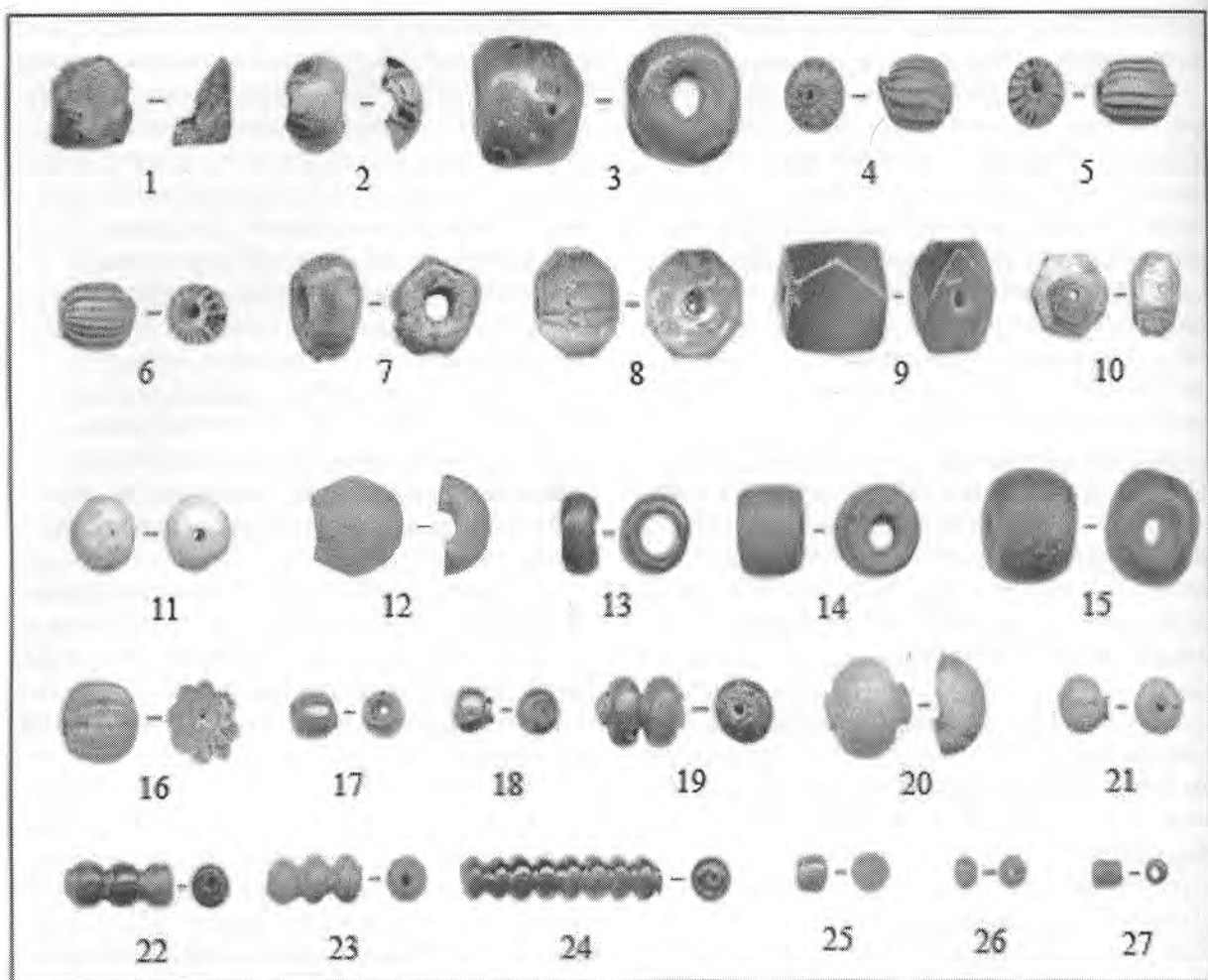

Рис. 6. Бусы раскопа П-2. Горизонты 1 – 3.

1, 24 – горизонт 1;

2, 3, 6 – 9, 12 – 23, 25 – 27 – горизонт 2;

4, 5, 10 – горизонт 3; 11 – горизонт 3а.

1 – 6, 13 – 27 – стекло;

7 – фаянс;

8 – хрусталь;

9 – сердолик;

10 – 11 агат/халцедон;

12 – янтарь.

шинство продольно полосатых лимоновидных бус группы III–9 (рис. 6, 4 – 6): 8 из 11 экземпляров, в том числе все 5 экземпляров бус этой группы, декорированных в желто-красной и желто-коричневой гамме (III–9-3, рис. 6, 4); а это половина всех продольно-полосатых бус (экземпляры позднего периода П-8 резко отличаются по расцветке).

Говоря о каменных бусах, можно отметить для горизонтов 3 и 3а раскопа П-2 бусы из агата (V–3, рис. 6, 10 – 11), однако, с точки зрения выделения специфических бусинных наборов эти агатовые бусы не следует рассматривать совместно. Шаровидная бусина V–3-2 (рис. 6, 11) топографически найдена в пределах раскопа П-2, но эту бусину в силу принадлежности ее к горизонту 3а, нельзя отнести к материалам, утерянным в ходе жизнедеятельности на локусе поселения, возникшего на участке раскопа П-2.

Значителен перечень разновидностей бус, общих как для горизонтов 1 – 3 раскопа П-2, так и для позднего периода раскопа П-8. В этот ряд входят фаянсовые бусы IV (рис. 4, 6; 6, 7), хрустальные бусы V–1-1 и V–1-2 (рис. 4, 7; 6, 8), янтарные бусы VI (рис. 6, 12), крупные ребристо-эллипсоидные бусы I–1-6-3 (рис. 4, 14; 6, 16), зонные бусы синего прозрачного стекла I–3-A (рис. 4, 12; 6, 13), продольно-полосатые лимоновидные бусы темной гаммы III–9-2 (рис. 4, 3; 6, 6), навитые бусы с мозаичными глазками группы III–4 (рис. 4, 4 – 5; 6, 3), зеленый и бирюзовый бисер (I–2-2, 4), небольшие лимоновидные бусины и пронизки желтого и синего стекла и стекла цвета морской волны I–1-1, 2, 4 (в том числе бракованные), двуслойные «лимонки» I–1-1-3. Некоторые перечисленные типы (IV, I–1-6-3, I–1-1-3, V–1-1 и V–1-2) представлены только двумя бусинами – по одной в толще

1 – 3 горизонтов П-2 и в слое позднего периода П-8. При раздельном рассмотрении такие типы бус не могут служить весомым аргументом близости наборов, но взятые в совокупности, серий типов, обнаруживающих сходную тенденцию распределения бус по стратиграфическим массивам, они должны приниматься во внимание.

Обобщенно можно сказать, что данные бусинные наборы объединяет как обилие бус в целом, так и наличие бус из полихромного стекла, поделочных камней, янтаря и фаянса (назовем их «эффектными» бусами). Если в целом количественно бусы горизонтов 1 – 3 раскопа П-2 и уступают бусам горизонтов 1 – 2 раскопа П-8, то количество найденных «эффектных» бус финальных горизонтов обоих раскопов, напротив, близко (рис. 7). Благодаря вкладу фрагментов глазчатых бус III–3 поздний период П-8 по числу полихромных бус как будто лидирует, но если исключить эти фрагменты из подсчета, то соотношение меняется в пользу горизонтов 1 – 3 раскопа П-2.

Из этого наблюдения можно сделать интересный вывод социального плана. Если наличие на поселении «эффектных» бус как-то соответствует уровню имущественного благосостояния, то можно сказать, что на финальных этапах существования локусов поселения П-2 и П-8, по крайней мере, по этому

параметру существенной разницы между обитателями этих локусов не было.

Итак, нами были выделены три различающиеся набора бус, отвечающих раннему и позднему периодам жизни локуса поселения раскопа П-8 и горизонтам 1 – 3 локуса поселения раскопа П-2. Причину наблюдаемых различий можно видеть в:

- 1) хронологическом факторе;
- 2) имущественном положении населения;
- 3) «этнографическом» факторе (культурно-обусловленной избирательности, проявляющейся при составлении ожерелий).

В нашем случае наиболее существенными представляются первые два соображения. «Этнографическая» составляющая безусловно важна, но анализ, ставящий целью вычленение этого фактора, применим скорее для погребальных памятников. Для одного поселения такой фактор может быть доказуемо вычленен при сравнении наборов бус из синхронных комплексов планиграфически отчетливо разделенных локусов обживания, причем только в сочетании с иными археоэтнографическими различиями. Такая задача выходит за рамки настоящей работы. Необходимо принимать во внимание и то, что для малочисленных выделяемых групп распределение некоторых типов бус по наборам может оказаться в значительной степени случайным.

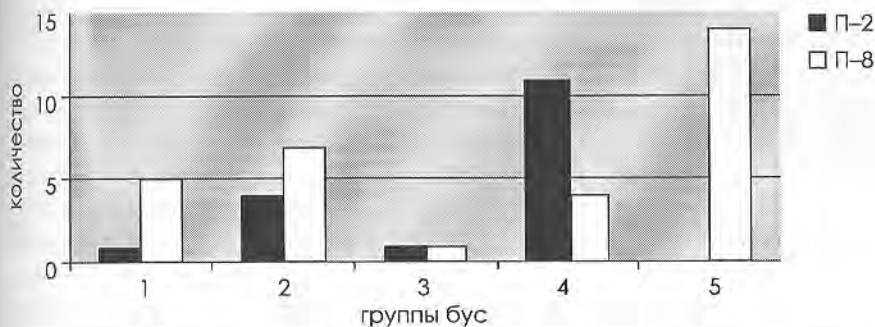

Рис. 7. Соотношение групп «эффектных» бус финальных горизонтов раскопов П-2 и П-8. Группы бус: 1 – янтарь, 2 – камень, 3 – фаянс, 4 – полихромные не глазчатые, 5 – глазчатые.

3. Процедура датирования

Хронология археологических памятников раннедревнерусского северо-запада лесной зоны в очень значительной степени базируется на материалах стратифицированных опорных памятников, достаточно надежно датированных сериями дендродат (Старая Ладога, Новгород, в несколько меньшей степени – Рюриково городище и Псков). Перечисленные памятники обладают большими коллекциями бус, доступных для изучения, значительная часть из них опубликована. Примем распределение бус в слоях и постройках Новгорода, Рюрикова городища и Ладоги (Земляное городище и посад) за своеобразный эталон, и попробуем, отталкиваясь от этого распределения, датировать ямы и стратиграфические горизонты раскопанных участков пойменной части гнездовского селища. Мы имеем право на такую попытку, поскольку Гнездовский археологический комплекс относится к тому же культурно-историческому пласту, что и Новгород, Рюриково городище, Старая Ладога. С никак не меньшими основаниями можно было бы попытаться решить данную задачу, отталкиваясь не от северо-западных памятников, а от региона Киевского Поднепровья, но такими материалами в должной степени мы не располагаем. К тому же перекрывающаяся стратиграфическая непрерывность памятников Поволховья, как нам представляется, дает некоторые преимущества, и по этой причине более предпочтительна.

Для нашей цели пригодны не все типы бус, а только те, которые представляют интерес с позиций узкой хронологической индикации раскопов П-2 и П-8. Типы бус, протяженные хронологические интервалы бытования которых уходят за пределы XI в., нами рассматриваться не будут.

Также мы будем избегать привлечения материалов погребальных комплексов, выверяя поселенческий материал по поселенческому же материалу. Это позволит снять возражения, касающиеся различий в условиях формирования комплексов однократного и комплексов непрерывного формирования. Мы не сомневаемся в методических основаниях синхронизации погребальных и поселенческих памятников, такая работа делается, и дает непротиворечивые результаты (см. напр.: *Лесман*, 1984). Предлагаемый нами подход не лучше, и не хуже, он просто несколько иной, как есть разные методы решения одной задачи.

Необходимо сразу сделать существенное замечание. Наиболее актуальной для наших целей оказывается позиция, занимаемая в ладожской хронологической схеме горизонтом Д, подразделяющимся в свою очередь на горизонты Д-нижнее и Д-верхнее. Дата, принимаемая за хронологический рубеж между горизонтами Д-нижнее и Д-верхнее, берется нами из публикаций Е.А. Рябинина и Н.Б. Черных. Датировка при кажущейся «абсолютности» носит, тем не менее, несколько условный характер. Е.А. Рябинин специально оговаривает, что приводимая им хронологическая схема, базирующаяся на серии дендродат, касается в первую очередь участка, исследованного в 1970 – 1980-х гг. Раскопки Е.А. Рябинина характеризуются высоким методическим уровнем и ювелирной точностью фиксации. Однако надо принимать во внимание сравнительно небольшую площадь этих раскопок, сохранность слоя на городище в верхней части напластований горизонта Д, сохранность древесины в этой части напластований, что отражается на количестве исследованных спилов и т. д. Учет этих факторов приводит к неизбежному появлению некоторой неуверенности, начинающей звучать в публикациях упомянутых авторов, когда речь заходит о дате, принимаемой за данный хронологический рубеж (ср.: *Рябинин, Черных*, 1988. С. 98; *Рябинин*, 1995. С. 58, табл. 1; *Черных*, 1996. С. 113; *Рябинин*, 1999. С. 180). При всей взвешенности и осторожности соответствующих разделов указанных работ, десятилетие между 960 г. и 970 г. в приводимых вариантах хронологических схем занимает несколько двусмысленную позицию. В пользу 960-х годов говорит единственная дендродата из раскопок Е.А. Рябинина – 969 г. (*Черных*, 1996. С. 113). По этой причине в настоящем сюжете мы будем обозначать хронологический рубеж горизонтов Д-нижнее и Д-верхнее на участке, исследованном Е.А. Рябининым, как 960/970 год.

С «проблемой 960-х гг.» столкнулись и А.Д. Мачинская и С.А. Кузьмин при создании дробной ярусной стратиграфии городища. Для IX яруса Земляного городища авторами в качестве верхней даты был выбран 970 г., причем в тексте специально оговаривается, что эта дата условна (*Кузьмин*, 1997. С. 347).

Начнем с вычисления хронологического интервала, отвечающего раннему этапу – от начала обживания и до момента нивелировочных работ.

Сначала, учитывая высказанное выше замечание о находках в погребенном дерне, рассмотрим бусы, найденные на участке П-8 ниже горизонта нивелировки, но не в заполнении ям.

С точки зрения определения датировки в этой маленькой серии из 5 экземпляров интерес представляют 2 бусины – «лимонка» лилового прозрачного стекла I-1-3 (рис. 2, 3) и цилиндрическая бусина серо-зеленого стекла, декорированная рельефными колечками, петельками и каплями глухого желтого стекла III-8 (рис. 2, 1).

«Лимонки» и бисер прозрачного стекла оттенков от лилового до винно-красного начинают серийно выпадать в слой Земляного городища Старой Ладоги, начиная с горизонта Д-нижнее (Львова, 1968. С. 88; Львова, 1970. С. 100), т.е. с 930 г. (Рябиниц, 1999. С. 180). Такие бусы серийно представлены на многих раннесредневековых памятниках северо-запада лесной зоны.

В то же время другая названная бусина III-8 является на данной территории очень редкой. Нам известен только один аналогичный экземпляр, хранящийся в Государственном Эрмитаже (рис. 8, 3). Он происходит из материалов раскопок В.И. Равдоникаса на Земляном городище Старой Ладоги в 1938 г. Бусина была найдена в заполнении построй-

ки, в слое пожара середины X в, уничтожившего эту постройку, и может быть надежно датирована временем пожара – серединой X в¹. Эта бусина приведена в иллюстративной части классической статьи З.А. Львова 1968 г. (Львова, 1968. С. 76, рис. 3, 43). В текстовой части работы 1968 г. З.А. Львова, говоря о бусах первой подгруппы IV группы, выделяет небольшую серию бус, в состав которой входит и интересующий нас экземпляр. Приведем эту короткую цитату дословно: «Единичные цилиндрические, черные и зеленые бусы, украшенные нитями и каплями желтого заглупленного стекла (рис. 3, 28, 43), напротив, не характерны для севера, и имеют немало примеров в памятниках начала IX – X вв. в Моравии». (Львова, 1968. С. 77). В подстрочной сноске № 70 цитируемой работы приводятся ссылки на монографии чехословацких ученых (Poulik, 1948; Hruby, 1955), конкретно – на иллюстративную часть этих работ.

Данный сюжет требует комментария. Говоря в статье 1968 г. об этой небольшой серии бус, изображенных на позициях 28 и 43 рисунка 3 статьи, З.А. Львова объединяет два разных типа бус, имеющих общие черты в облике и технологии производства. По названным позициям бусы этих типов действительно соотносимы. Но сведение их в один культурно-смысловой блок вызывают у нас обоснованные возражения.

Назовем (для удобства сносок) бусину, изображенную на рисунке 3, 28 статьи

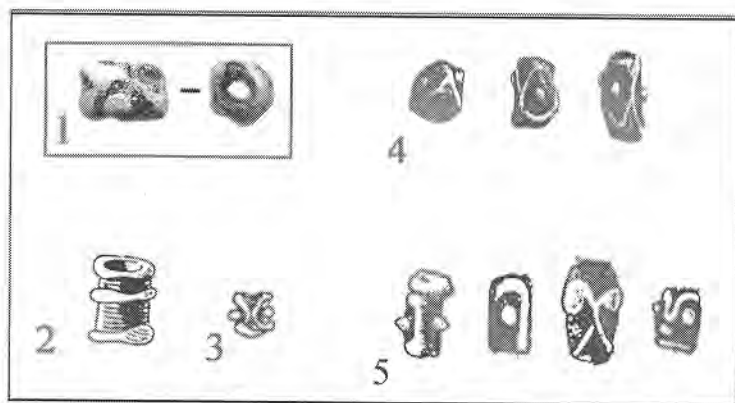

Рис. 8.
1 – Бусина III – 8 (Гнездово, П-8);
2 – 3 – Находки из Старой Ладоги (Львова, 1968);
4 – Моравские бусы («пластическими ребрышками»), II тип (по Й. Поулику; Poulik, 1948);
5 – Моравские бусы, тип 55 (по М. Ханулиак, М. Рейхолковой; Hanuliak, Rejholcova, 1999).

¹ В силу важности настоящего сюжета обстоятельства находки подробно рассматриваются в концевой сноске.

З.А. Львовой, «тип А», а бусину, изображенную на рисунке 3, 43 «тип Б» (рис. 8, 2 – 3).

1. Ладожские бусы «типа А» встречаются в материалах всех исследователей Земляного городища Старой Ладоги. Стратиграфически надежно зафиксированные не переотложенные экземпляры из раскопок В.И. Равдоникаса, Е.А. Рябина и А.Н. Кирпичникова насчитывают не менее десятка экземпляров, и датируются они в целом 50-ми гг. VIII в. – 60-ми гг. IX в. Единственная бусина «тип Б», близкая гнездовской III-8, найдена в слое середины X в., не менее чем на 80 лет позднее.

2. Бусы, аналогичные «типу А» Старой Ладоги, встречаются в Центральной Европе, начиная со среднеаварского времени, но не только там. Хорошо известны они и в Северной Европе (в типологии Ю. Кальмера они обозначены, как B060, в литературе иногда называются «осиными бусами»), обнаруживаясь на целой серии скандинавских памятников (Бирка, Хельго, Риббе, Хедебю и др.), порой в очень значительных количествах, и датируются начиная с поздневендельского времени. Так что согласиться с тем, что они «не характерны для севера», как пишет З.А. Львова, никак нельзя. После публикации статьи З.А. Львовой 1968 г., высказанное в этой работе представление о центральноевропейском происхождении ладожских бус «типа А» вошло в литературу (Рябинин, 1982. С. 170; Френкель, 1997. С. 125), но должно быть теперь пересмотрено. А вот моравское происхождение бусины «типа Б» возражений не вызывает.

3. Наконец, к вопросу о хронологии моравских аналогий. Бусы, аналогичные гнездовскому экземпляру III-8 («тип Б» нашей временной номенклатуры), Й. Поулик определил, как «бусы с пластическими ребрышками (II тип)» (рис. 8, 4), а бусы, напоминающие ладожский «тип А» (близкие типу B060 по Ю. Кальмеру) – иначе, как «бусы с пластической спиралью (I тип)» (Poulik, 1948, S. 56 – 58). Соответственно, приводимые в цитируемой работе Й. Поулика даты у этих разных типов бус тоже отличаются. Бусы «типа Б» (II тип Поулика) датируются второй половиной IX в., «Тип А» (I тип Поулика) древнее, но указываемая верхняя граница его тоже не попадает в X в. В. Грубы, подробно рассматривая огромный могильник «На валах», в целом подтверждает эти датировки: верхняя дата «типа А» (I типа Поулика) несколько корректируется в сторону удревне-

ния, дата «типа Б» (II тип Поулика) остается без изменения (Hruby, 1955. S. 250, 251). Приписать X в. моравским аналогиям ладожской бусины («тип Б») со ссылкой на две данные работы З.А. Львова могла только в результате недоразумения.

Однако в X в. такие бусы в Центральной Европе все же есть, хотя это не следует из используемого З.А. Львовой ссылочного аппарата. Такие бусы находят в позднеморавских и ранневенгерских могильниках X в. В монографии A. Ruttkaу, M. Ruttkaу, P. Salkovskу приведена подобная бусина из ранневенгерского погребения (Ruttkaу, Ruttkaу, Salkovskу, 2002. S. 52, il. 7:20). в низке с бусами, близкими типу III-4-3 настоящей классификации, датирующимися начиная с 950-х г.¹ Подобные типу III-8 бусы обнаруживаются в целой серии погребений позднеморавского Чакайовецкого могильника (рис. 8, 5), в том числе в погребениях горизонтов В и С, совершаемых, по расчетам авторов публикации, на протяжении всего X в. (Hanuliak, Rejholcova, 1999. S. 62, obr 57: 55a-d; S. 9, 11, 38). Второй половиной X в. датируется и горизонт С могильника Trnovec nad Vahom, в погребении 123 которого так же найдена подобная бусина (Ratkos, 1968. S. 262 – 263, 268, taf XVII, 27). Применяемая авторами сериационная методика датировки погребений небезупречна (см. Лесман, 1996), однако в данном случае важна принадлежность комплексов к эпохе, последовавшей за крушением Великой Моравии.

По всей видимости, производство таких бус в Центральной Европе прекратилось где-то в начале X в. В это время великоморавское государство пало под ударами венгров, после чего на его территории шли баварско-венгерские войны. По каким-то причинам, видимо связанным с этими бурными событиями, прекращается своеобразное моравское стекоделие. Уже изготовленные к моменту катастрофы бусы в течении последующих нескольких десятилетий постепенно «вымываются» из живой культуры, теряясь на поселениях и откладываясь в погребениях. Важно, что на «эталонном» памятнике – Земляном городище – такая бусина найдена в горизонте пожара середины X в. На этом основании следует принять 950-е гг. как верхнюю дату бытования таких бус на раннедревнерусских памятниках. Такая дата обоснована именно для таких памятников и не противоречит центральноевропейским аналогиям.

¹ Некоторые венгерские коллеги датируют такие бусы более ранним временем (Szilagyi et al., 1995).

Мы исходим из хронологической системы, базирующейся на памятниках Поволжья. Конечно, система эта не идеальна, как не идеальна и применяемая нами методика. Но, работая в данных рамках, мы получаем непротиворечивые результаты. Правда, среди гнездовских материалов есть и уводящие в Центральную Европу (*Пушкина*, 2001. С. 7, 10). Это значит, что в случае возникновения «конкуренции» территориально-хронологических систем по частному вопросу, мы должны отдавать предпочтение той территориально-хронологической системе, в которой работаем. Центральноевропейскую хронологическую систему учитывать необходимо, но отдавать ей предпочтение мы не имеем права, в том числе и потому, что не владем необходимым объемом информации. Датировки, предлагаемые в указанных выше работах уважаемых коллег из Центральной Европы широки (весь X в.), и основаны на материалах погребений, датированных сериационным методом. При этом в пределах нескольких десятилетий датируются не отдельные погребения, а целая серия их. Вероятно, поставив такую цель, можно постараться вычислить в рамках X в. верхнюю дату бытования таких бус на Дунае. Но и тогда задача не будет решена. Для надежного сопряжения наших материалов с моравскими должна быть проведена огромная специальная работа. Такая работа необходима, но она далеко выходит за рамки настоящей статьи. Следуя используемой методике, опираясь на известные даты бус в памятниках, принятых за эталонные, мы не имеем оснований в данном случае сколько-нибудь аргументировано отодвигать верхнюю дату вглубь второй половины X в. Хочется подчеркнуть, что здесь сознательно приводятся возражения именно не содержательного, а формально-методического порядка.

Вернемся к материалам гнездовского раскопа П-8. Время, когда бусы I-1-3 и III-8 совместно могли оказаться в слое, определяется достаточно точно — как 30-е — 50-е годы X века. Лиловая «лимонка» I-1-3 может оказаться утерянной не на начальном, а на заключительном этапе функционирования ранних ям, непосредственно перед нивелировочными работами. Вспомним, ведь лиловые «лимонки» встречаются именно в самых поздних ямах раннего этапа (№№ 4, 31/33, рис. 3, 5, 12). Однако оговоренная выше «вырожденность»

культурного слоя между предматериком и горизонтом нивелировки при наличии многочисленных перекрывающихся ям все равно не позволяет сколько-нибудь значительно отодвигать начало обживания этого участка в первые десятилетия X в., подкрепляя данным наблюдением сугобо формальную сторону процедуры датировки.

Попробуем теперь определить верхнюю дату периода, предшествующего нивелировочным работам, опираясь на материал поздних ям, перекрытых горизонтом нивелировки.

Одной из наиболее поздних ям, предшествующих нивелировочным работам, является яма 4 (рис. 1). При разборе заполнения этой ямы был обнаружен фрагмент глазчатой бусины III-3 (рис. 3, 1).

Подобные бусы, фрагменты которых серийно встречены в материалах раскопа П-8 (рис. 9), достаточно заметны в культурных напластованиях памятников, принятых нами за эталонные, выгодно отличаясь этим от бусины III-8. Остановимся на этих бусах подробнее.

Глазчатые бусы III-3 в литературе в особый тип не выделялись, рассматриваясь наряду с другими глазчатыми бусами II технологической группы классификации З.А. Львовой (*Львова*, 1968). При этом серия страгифицированных находок бус типа III-3 на эталонных памятниках достаточно выразительна. Нам они известны в Старой Ладоге (Земляное городище — не менее 4 экз.; раскоп на Варяжской улице — 7 экз.), на Рюриковом городище (2 экз.). Бусина, происходящая с Рюрикова городища, была опубликована М.В. Медведевой (*Медведева*, 1999. Рис. 1, 3; *Медведева*, 2001. С. 53). Бусы типа III-3 датируются второй половиной X в., причем наиболее раннее выпадение подобных бус в слой происходит в 950-е гг., а наиболее поздние бусины датируются 990-ми гг.^{1 П}

Обратимся теперь к гнездовским материалам раскопа П-8. Получается, что в заполнении одной из самых поздних из перекрытых горизонтом нивелировки ям находится бусина III-3, которая никак не могла туда попасть раньше 950-х гг.

С другой стороны, бусы I-1-3 и III-8 совместно могли оказаться в культурном слое пе-

¹ В силу важности настоящего сюжета обстоятельства находки подробно рассматриваются в концевой сноске.

рекрытого горизонтом нивелировки «межъямного пространства» между 930-ми и 950-ми гг. Отсюда получим искомую дату поселения на участке П-8 до проведения нивелировочных работ: 30-е – 50-е гг. X в.

Следующим этапом датировки является определение времени проведения нивелировочных работ. Эти работы могли продолжаться несколько часов или несколько дней, но с точки зрения археологии это событие одноактовое.

Время проведения этих работ «снизу» поджимается 950-ми годами. Теперь попробуем зажать момент проведения нивелировочных работ «сверху».

Горизонт нивелировки перекрывается горизонтом 2 – слоем, образовавшимся на финальном этапе существования поселения в пределах раскопа П-8 (рис. 1). Уже говорилось, что слой этот, стратиграфически неразделимый, складывался в 2 стадии, принципиально отличающиеся по условиям образования. Первой стадии отвечает период стабильной жизни на поселении. Второй стадии отвечает какое-то катастрофическое событие, после которого жизнь на данном участке селится прекращается.

В серии бус, собранных при разборке горизонта 2 участка П-8 выделяется двухчастная пронизка синего стекла с тонкими белыми продольными полосками (III-9-1, рис. 4, 2). Такие бусы хорошо известны среди материалов Земляного городища Старой Ладоги (Львова, 1968. С. 85, рис. 4, 23). Большинство их обнаруживается в культурных напластованиях горизонтов «Е», но самые поздние экземпляры найдены в горизонте Д-нижнее, и, следовательно, датируются не позднее 960/970 г.

Нам известны такие бусины (Рюриково городище, Ладожский посад), обнаруживающие несколько более позднюю дату – 970 гг.¹ III

Наиболее ранней ямой раскопа П-8, пронизавшей горизонт нивелировки, является яма 40 (рис. 1). В верхней части заполнения этой ямы была найдена фаянсовая ребристая бусина IV (рис. 4, б). О дате подобных бус мельком упоминает Ю.М. Лесман (Лесман, 1994. С. 193, примечание 3), называя время их бытования (середина X – середина XI в.). Необходимо подчеркнуть, что приводимые Ю.М. Лесманом аналогии взяты из погребальных комплексов, в том числе Гнездовских. Из поселенческих памятников назван

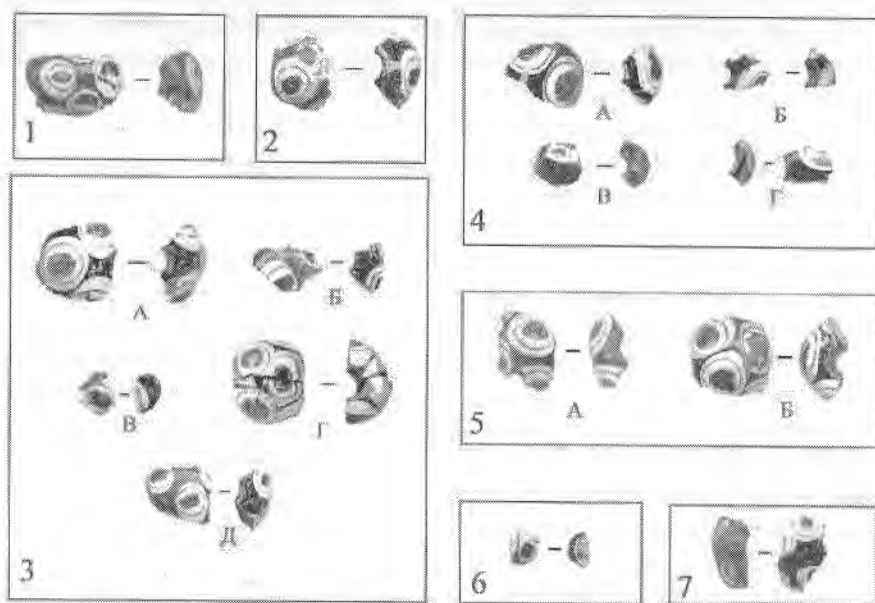

Рис. 9. Бусы III-3 раскопов П-2 и П-8.

П-8: 1 – яма 42; 2 – яма 28; 3 – горизонт 2; 4 – яма 1; 5 – яма 42; 6 – горизонт 1.
П-2: 7 – горизонт 5.

¹ В силу важности настоящего сюжета обстоятельства находки подробно рассматриваются в концевой сноске.

только территориально далекий Саркел, однако эти материалы в данном сюжете лучше не привлекать по причинам методико-фиксационного характера.

В работе Ю. Кальмера отмечены несколько типов фаянсовых бус, ребристые бусы (близкие, хотя и не идентичные гнездовским) относятся к типу R001. Не конкретизируя, исследователь относит время бытования большинства фаянсовых бус в Северной Европе начиная с последней трети X в. (*Callmer*, 1977. P. 99, 77, 170, plate 21). Но Ю. Кальмер также строит свою хронологию на основании анализа погребальных памятников, при этом применяя очень специфическую процедуру датирования.

Фаянсовых бус с продольным рифлением на эталонных памятниках нам известно не много (Новгород, Троицкий VIII раскоп – 1 экз.¹, Ладожский посад – 4 экз.). Все они датируются в пределах второй половины X в., включая середину этого столетия². На этом основании для данного культурно-исторического и территориально-хронологического пространства за нижнюю дату ребристых фаянсовых бус IV можно принять середину X в.

Фаянсовые ребристые бусины встречаются в погребальных памятниках Гнездова (*Дихтер, Шапова*, 1991. С. 250 – 251; *Каменецкая*, 1991. С. 150), особенно часты они, похоже, в Заольшанской (Правобережной Ольшанской) курганной группе. Велик соблазн использовать в данной работе материалы гнездовских могильников, но это будет нарушением принятой методики. Позволим себе лишь отметить, что выделенные и рассмотренные нами два типа бус (сине-белая двухчасная продольно-полосатая пронизка III-9-1 и ребристая фаянсовая IV), благодаря комбинации хронологических интервалов которых мы «зажимаем сверху» дату проведения на раскопе П-8 нивелировочных работ, не являются искусственно отобранными в ходе исследовательской процедуры. Такие бусы встречаются в составе ожерелья женщины, погребенной в кургане № 7 Заольшанской (Правобережной Ольшанской) курганной группы гнездовского некрополя (*Каменецкая*, 1991. С. 165).

Вернемся к гнездовским материалам раскопа П-8. Из сопоставления верхней даты

бытования бус III-9-1 и нижней даты бытования бус IV получается, что накопление культурных напластований на поселении после проведения нивелировочных работ, началась не раньше 950-х и не позднее 970-х гг. Тогда интервал 950-е – 970-е гг. «поджимает» время проведения нивелировочных работ сверху.

Вспомним, что мы уже «поджали» момент нивелировки снизу 950-ми гг. на основании анализа бус I-1-3 и III-3 и III-8 из культурного слоя и ямы 4. Определенный при движении «сверху» интервал несколько более широкий, при этом вычислен по независимым источникам. Полученные независимо с двух направлений непротиворечивые результаты «хронологического зажимания» позволяют достаточно точно определить время проведения нивелировочных работ 950-ми гг.

Приведенные вычисления выглядят несколько схематично. Мы осознаем определенную условность получаемых дат, однако считаем возможным на данном этапе исследований предложить именно их. Вероятностный характер датировок «по датированным аналогиям на другой территории» не вызывает сомнений, равно как и осторожность в обращении с датами, полученными в результате формального подхода. Однако, пока подобная процедура датировки не приводит к систематическим противоречиям, деструктивная критика ее не оправдана.

Удивительно, что «середина X в.», как важный хронологический рубеж, заметна на всех «эталонных» памятниках. В пределы этого десятилетия укладываются и дендродата 28 яруса Неревского раскопа Новгорода, и время, когда в Ладоге выгорают постройки Земляного городища и на Варяжской улице, и определенная хронологическая ступень в схеме В.М. Горюновой для Рюрикова городища, «отбиваемая» дендродатой 947 г. Однако, напрашивающиеся обобщения выходят за рамки настоящей работы.

Отчетливо читающийся в разрезах горизонт нивелировки «запечатал» ряд ям (ямы 31/33, 40а, 4, 4а, 8, 4б). Ямы 4б, 4в, 40б и 4ба перечисленными ямами прорезаны, т. е. они были сооружены еще раньше (рис. 1). Можно ли уточнить хронологию этих ям?

¹ Благодаря любезному разрешению П.Г. Гайдукова нам удалось ознакомиться с рядом бус Троицкого раскопа.

² В силу важности настоящего сюжета обстоятельства перечисленных находок подробно рассматриваются в концевой сноске.

Мы определили время нивелировочных работ (950-е гг.); выяснили, что первоначальное освоение исследованного участка датируется не ранее 930-х годов; мы знаем стратиграфическое соотношение перечисленных ям и характеристику их заполнения. Попробуем теперь хронологически «зажать» время их сооружения и функционирования.

Общая дата раннего этапа – 930-е – 950-е гг. Таким образом, речь идет о 20–30 годах.

Из соотнесения с горизонтом нивелировки следует, что наиболее поздними являются ямы 4, 8, 31/33, 40а и 4б. В этот ряд входят как ямы с ранним бусинным набором (ямы 8, 40а, 4б), так и ямы, в которых найдены бусы следующего, позднего набора (ямы 4, 31/33). Мы знаем, когда эти ямы прекратили существование. Как долго они до этого функционировали – об этом на наш взгляд можно говорить только из следующих соображений общего порядка.

Авторы раскопок на основании анализа стратиграфии заполнения ямы 4 пришли к выводу, что эта яма существовала недолго (Мурашева, Фетисов, Енисова, 2003. С. 103). В заполнении этой ямы была найдена бусина III–3 (рис. 4, 1), датирующаяся не ранее середины X в. Из того, что яма 4 функционировала недолго, в 950-е гг. была перекрыта горизонтом нивелировки, и из нижней даты указанной бусины следует, что время сооружения данной ямы попадает в то же десятилетие (950-е гг.).

Ямы 8, 31/33, 40а и 4б прекращают свое функционирование тогда же, когда и яма 4 (рис. 1). Авторы раскопок относят яму 8 к тому же (третьему) этапу ремесленной деятельности, что и яму 4 (Мурашева, Фетисов, Енисова, 2003. С. 102 – 103). Тогда эта яма тоже датируется 950-ми гг. Полагаем, что без большой натяжки можно распространить такую дату на прочие поздние ямы раннего этапа (ямы 8, 31/33, 40а и 4б).

О моменте сооружения прочих перечисленных ям судить сложнее. Время сооружения ям 4а, 4б и 4в, 4ба может быть определено в пределах вероятностного интервала 930-е – рубеж конца 940-х/начала 950-х гг. Нам известна относительная последовательность их сооружения (первыми были недолго существовавшие ямы 4б и 4в), однако полагаем, что дробная датировка для такого короткого интервала выглядит несколько надуманной. Попытка подобной датировки, тем не менее, была бы оправдана, если бы было возможно разделить материалы из погребенного дерна и предшествующего нивелировке культурного слоя.

Нельзя не отметить специфику бус, найденных в яме 4в (рис. 2, 6 – 10)¹.

Часть бисера, найденного в яме 4в, выделяется сравнительно крупными размерами. На фоне большинства бисера, найденного на раскопе П-8, эти экземпляры выглядят настоящими гигантами. Такой крупный рубленный бисер с мягкими очертаниями в Ладоге встречается, начиная с горизонта Е-1, причем именно в этом горизонте (860-е – 920-е годы) его несколько больше, чем в последующих горизонтах Д. Однако в данном случае отсылка к ладожским аналогиям непродуктивна. Интервал бытования подобного бисера в Ладоге захватывает весь X в., и это согласуется с наличием среди гнездовских бус крупного бисера в материалах финального горизонта 2 и в заполнении ямы 1².

Следующей задачей является датировка позднего периода существования локуса поселения, затронутого раскопом П-8. Под поздним периодом понимается время, когда после нивелировочных работ были сооружены и функционировали ямы, и шло накопление культурного слоя, прерванное катастрофой, после которой жизнь на этом участке поселения уже не возобновлялась. Стратиграфически этому периоду соответствует (помимо

¹ Единственная бусина, найденная в яме № 4б (рис. 2, 14) тоже заслуживает упоминания. Эта серебростекляная пронизка, бракованная – в ней отсутствует канал. Такая бусина не могла быть утеряна из ожерелья. Мало вероятно и то, что бусина случайно попала в яму – яма просуществовала очень недолго, а слой на селище тому моменту только начинал накапливаться. Если верна высказанная гипотеза о культовом характере ранних ям (Мурашева, Фетисов, Енисова, 2003. С. 109), то такая находка может означать только то, что для сакральной процедуры было выбрано бракованное изделие – интересное, несколько неожиданное свидетельство отношения кого-то из первых жителей поселения к культуре.

² Нижняя дата ладожских аналогий такого бисера (860-е гг.) невольно наводит на желание сопоставить ее с датой найденной в этой яме византийской монеты Василия I (867 – 886 гг.) и широкой датой моравской бусины III–8, нижняя граница которой уходит во вторую половину IX в. Опасный, кружащий голову соблазн. Избежать подобных мыслей невозможно, они неизбежно приходят в голову, затрагивая целый пласт проблем, связанных с ранней датой Гнездова. Тут же вспоминаются некоторые уникальные находки, летописные сюжеты и т.д. По нашему мнению, лучше этот момент не замалчивать, а еще раз подчеркнуть, что на данном этапе исследования, для данного участка, исходя из непрерывности функционирования последовательно сооружаемых ям, ранняя датировка представляется невозможной.

заполнения ям) горизонт 2 и стратиграфически вычленимый горизонт 1, являющийся результатом гео-гидрологического разрушения верха горизонта 2 и составляющий с ним смысловое целое.

Нижняя хронологическая граница позднего периода нам известна (950-е гг.). Таким образом, задача сводится к определению верхней хронологической границы, совпадающей с датой катастрофы.

Авторы раскопок на первоначальном этапе анализа результатов работ на участке раскопа П-8 датировали «финальный горизонт» первой половиной XI в. (Мурашева, Фетисов, Енисова, 2003. С. 108). Позднее эта дата была скорректирована в сторону некоторого удреждения: в работе 2005 г. В.В. Мурашева говорит о начале XI в. (Мурашева, 2005. С. 124). Дата основывается на периодах бытования присутствующих в материалах «финального горизонта» металлических изделий, связанных с элитарной воинской субкультурой – фрагментом наконечника ножен меча из свинцовой латуни и серебряной поясной накладкой (Мурашева, Фетисов, Енисова, 2003. Рис. 2, 4, 5).

Методики хронологической индикации, применяемые в настоящей работе, не позволяют сразу безоговорочно принять эту дату, и при последующих шагах отталкиваться от нее. Интервалы бытования наконечника меча и поясной накладки получаются из анализа контекстов находок широкой серии древнерусских, циркумбалтийских и кочевнических южнорусских аналогий. Тут все иное – и процедуры датирования, и типы памятников, откуда происходит большинство аналогий, и социальная среда, отвечающая данной субкультуре. Не сомневаясь в добросовестности работы, проведенной В.В. Мурашевой, А.А. Фетисовым и Н.В. Енисовой (а так же С.Ю. Каиновым, специально изучавшим наконечник ножен меча), позволим себе пока лишь принять эту дату к сведению.

Попробуем определить верхний хронологический рубеж позднего периода раскопа П-8, исходя из используемой нами методики.

Уже указывалось, что сложение финального горизонта 2 проходило в две фазы, не сравнимые по времени и условиям сложения (протяженная «стабильная» и одномоментная «катастрофическая»). Если бы удалось определить узкую дату катастрофического события, то это и была бы искомая верхняя хронологи-

ческая граница. Но стратиграфически фазы горизонта 2 не разделяются.

Однако есть шанс хотя бы в тенденции расчленить толщу горизонта 2.

Распределение глазчатых бус III-3 в толще культурного слоя и заполнении ям раскопа П-8 отнюдь не является равномерным. Можно говорить о двух различных этапах выпадения таких бус в слой. Первый, более ранний, тяготеет к времени нивелировочных работ (бусы III-3 из заполнения ямы 4 (рис. 3, 1) и из углистого слоя ямы 28 (рис. 3, 19). Бусина, найденная в придонной части ямы 42 в этой схеме занимает промежуточное положение. Большинство же бус III-3 позднего периода (в том числе и вторая бусина, найденная в яме 42) выпадают в верхнюю часть заполнения последних ям или обнаруживаются на границе верхней части горизонта 2 и горизонта 1. Получается, что эта «поздняя» серия фрагментов глазчатых бус как бы маркирует заключительный субгоризонт горизонта 2, во всяком случае, включающий материалы, утерянные в катастрофическую фазу сложения горизонта 2, стратиграфически выделить которую не удается.

Для определения верхней хронологической границы локуса поселения, исследованного раскопом П-8, рассмотрим (наряду с глазчатыми бусами III-3, о которых речь шла выше) следующие хронологически значимые типы бус, встречающихся как в горизонте 2, так и в заполнении ряда наиболее поздних ям позднего периода:

– Лимонovidные одноцветные бусы цветного (синего, лилового, цвета морской волны) стекла (I-1-2, I-1-3, I-1-4, рис. 4, 19 – 22). Верхняя дата – конец третьей четверти XI в. (Лесман, 1984. С. 140, № 97).

– Ребристые эллипсоидные бусы непрозрачного желтого и прозрачного бесцветного стекла (I-1-6-1, 3, рис. 4, 13 – 14). Верхняя дата – конец третьей четверти XI в. (Шапова, 1956; Лесман, 1984. С. 140, № 99).

– Продольно полосатые лимонovidные бусы темно-лилового (кажется черным) стекла с тонкими белыми продольными полосками (III-9-2, рис. 4, 3). Верхняя дата – середина XI в. (Шапова, 1956; Лесман, 1984. С. 140, № 98).

– Многогранная шаровидная сердоликовая бусина с 5-6 угольными фасетками (V-2-2, рис. 4, 7). В морфологической части типологии Ю. Кальмера такие бусы обозначены ин-

дексом Т010-1. Верхняя дата такого типа – рубеж X и XI в. (Близкие по пропорциям битрапециодные бусы с граненым пояском (Т010-4 по Ю. Кальмеру) имеют более позднюю верхнюю дату).

– Сердоликовая плоская дисковидная бусина с пояском по боковой грани (V-2-3, рис. 4, 10). Верхняя дата – рубеж X и XI вв.

Рассматриваемые бусы происходят из культурного слоя поселения – комплекса непрерывного долговременного формирования. Хотя наиболее вероятной верхней датой горизонта 2 по совокупности данных является рубеж X и XI вв, но критерий надежности корректно применяемой процедуры датирования оттягивает эту дату далеко в XI в., исключая лишь последнюю четверть XI в. Но это только первый шаг датировки.

Уточнить искомую дату помогает анализ бус, происходящих из заполнения сооружений, прекративших функционирование с гибелью поселения (ямы 1, 42, очаги 1 и 2, рис. 1). Яма 42, очаги 1 и 2 при этом и сооружаются на заключительном этапе позднего периода. Конечно, ямы не могут рассматриваться, как комплексы однократного формирования, какое-то время они функционируют, и порой время это может быть сравнительно долгим. Для верхней даты функционирования ямы определяющее значение имеют наиболее поздние бусы, найденные в ее заполнении. Конечно, может случиться, что в яму бусина попала как раз тогда, когда на эталонных памятниках период бытования такого типа бус только начинался или подходил к концу. Тогда возможна ошибка. Но такие ошибки являются недостатком не данной конкретной методики датирования, а общего принципа возможности «короткой» датировки комплексов сколь угодно длительного формирования. В любом случае, допуск, превышающий 15 – 20 лет применительно к ямам маловероятен – если яма функционирует дольше, в ее профиле и стратиграфии заполнения это будет читаться: по оплыванию стенок, накоплению придонной прослойки, следам ремонта и т. д.

В число хронологически чувствительных типов бус, найденных в заполнениях последних сооружений горизонта 2 (ямы 1, 42, очаги 1 и 2), наряду с рассмотренным выше типами (I-1-2, 3, 4; I-1-6; III-3; III-9-2) входят следующие важные для нашей задачи типы бус:

– Бусина из горного хрусталя, битрапециодная, с граненым пояском (V-1-2, рис. 10, б) Верхняя дата – середина XI в. (Голубяринова, 1994. С. 76 – 77). Найдена в заполнении ямы 1.

– Бусина из горного хрусталя, продольно подграненная эллипсоидная (V-1-3, рис. 10, 10 – 11).

Нам известна публикация датировки только севоевропейских находок подобных бус. Верхнюю дату их бытования Ю. Кальмер определяет, как самый конец X в. (Callmer, 1977. P. 90, 221, 77, 170, тип S006). Не смотря на иную методику датирования, примененную Ю. Кальмером, предложенная им дата полностью соответствует нашим представлениям о хронологии таких бус. Известные нам экземпляры, найденные в Старой Ладоге, на Рюриковом городище и в Новгороде, датируются не позднее рубежа X и XI вв. Нижняя дата таких бус близка к середине X в. На раскопе П-8 подобные бусы были найдены в заполнении очага 2 и ямы 42.

Помним, что в материалах поздних ям найдена серия фрагментов глазчатых бус III-3: яма 1 – 4 экз., яма 42 – 2 экз. (рис. 10, 1, 8). Все такие бусы, найденные в яме 1, а также одна из двух бус ямы 42, фиксируются именно в верхней части заполнения.

Воспользуемся тем же методом «хронологического зажимания», что и при определении времени нивелировочных работ. Из верхней границы интервала бытования глазчатых бус III-3 и хрустальных бус V-1-3, найденных в

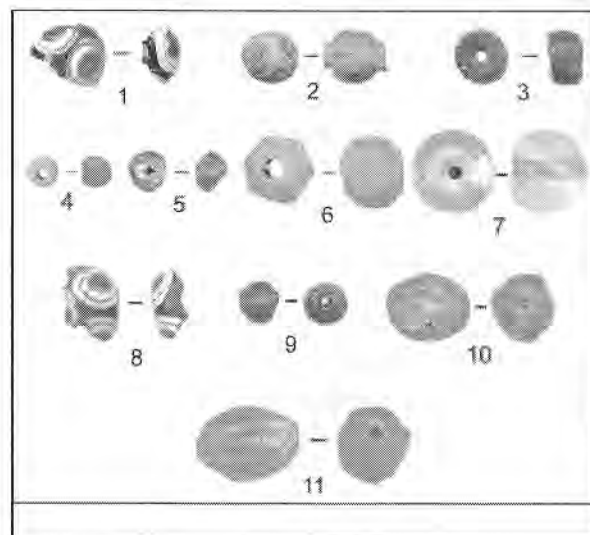

Рис. 10. Бусы раскопа П-8.
1 – 7 – яма 1; 8 – 10 – яма 42; 11 – очаг 2.
1 – 5, 8, 9 – стекло; 6, 7, 10, 11 – хрусталь.

заполнении последних функционирующих сооружений позднего этапа – ям 1, 42, очага 2 – следует, что попасть в эти финальные сооружения такие бусы не могли позднее рубежа X и XI в. Особо важно, что концентрируются бусы III–3 в верхней части заполнения ям. Тогда именно так (не позднее рубежа X и XI вв.) следует датировать прекращение функционирования данных ям. А прекращению функционирования поздних ям позднего этапа соответствует конец жизни на данном локусе поселения (раскоп П-8).

Т.е. катастрофическая фаза позднего этапа происходит не позднее конца X – начала XI вв. Такая дата получена при следовании «снизу». Пока не ясно, на сколько «не позднее»?

Следующий шаг направлен на уточнение верхней хронологической границы раскопа П-8 при следовании «сверху». Для этого придется использовать материалы, собранные при исследовании соседнего участка селища в пойме – раскопа П-2.

Уже было отмечено, что этот раскоп характеризуется дробной стратиграфией: до момента аллювиального перекрытия выделяется четыре смысловых стратиграфически расчленяемых горизонтов (горизонты 1, 2, 3 – 5).

Методически опасным при сопоставлении материалов раскопов П-2 и П-8 представляется отсутствие стратиграфического смыкания этих раскопов, хотя расстояние между ними сравнительно не велико (около 60 м). Имеется, правда, на раскопе П-2 песчанно-угольная прослойка горизонта 3а (см выше), но при всей заманчивости связать через нее стратиграфические колонки раскопов, надо признаться, что поскольку раскопы не соприкасаются, проследить до границ раскопа П-8 эту прослойку невозможно.

Попробуем синхронизировать локальные стратиграфические колонки этих раскопов относительно друг друга, соотнося датированные по бусам слои.

Помним, что среди материалов раскопа П-8 заметную серию из 13 экземпляров представляют фрагменты глазчатых бус III–3, выпадающих в слой во второй половине X в. Такие бусы типичны именно для материалов раскопа П-8 (рис. 9). Но и среди бус раскопа П-2, обнаруживается один фрагмент подобной бусины. Этот единственный экземпляр

был найден при разборе самого нижнего горизонта 5 раскопа П-2 (рис. 5, 11).

Характер слоя, отвечающего горизонту 5 раскопа П-2 и деревянные «конструкции», зафиксированные в этом горизонте (бессистемные наброски, мостки), а также крайняя немногочисленность находок – все это говорит о том, что на момент генезиса культурного слоя горизонта 5 участок раскопа П-2 можно трактовать, как мало пригодную для жилья периферию того локуса поселения, который исследован на соседнем раскопе П-8. Интенсивное строительство и последующее функционирование нового локуса поселения фиксируются на раскопе П-2 позднее, начиная с горизонта 4, в значительной степени сложенного из деревянного строительного мусора, со временем оторфованного.

Для нас важно, что для горизонта 5 раскопа П-2, перекрытого этим горизонтом строительства, существует серия дендродат, позднейшая из которых – самое начало XI в.

Тогда мы вправе датировать момент попадания глазчатой бусины III–3 в горизонт 5 в пределах 2-й половины X в. (интервал бытования таких глазчатых бус). На этом основании можно синхронизировать горизонт 5 раскопа П-2 с участком стратиграфической колонки раскопа П-8 от времени сооружения самых поздних ям, предшествующих нивелировочным работам (ямы 4, 31/33), и до верхней даты горизонта 2 и 1 раскопа П-8.

Таким образом, задача стратиграфического «смыкания» раскопов П-2 и П-8 оказывается решенной: поздний период существования локуса поселения раскопа П-8 археологически синхронен самому нижнему горизонту 5 раскопа П-2. Получающийся интервал хронологического перекрытия от 50-х годов X в. до рубежа X и XI вв. Наблюдается согласование дендродаты горизонта 5 раскопа П-2 (самое начало XI в.) и верхней даты позднего периода раскопа П-8, получаемой из анализа бусинного материала (рубеж X и XI вв.).

Попробуем теперь по набору бус определить, когда на раскопе П-2 начинает функционировать новый локус поселения. Горизонт 4 дает небольшую коллекцию бус, с позиций узкого датирования невыразительных (рис. 5, 1). Тогда по бусам определим нижнюю хронологическую границу горизонтов 3 – 1, и сопоставим с дендродатой горизонта 5.

Результат этого сопоставления окончательно завершит хронологическое «зажимание сверху» горизонта 2 и 1 раскопа П-8.

Рассмотрим хронологически чувствительные типы бус, найденные при разборе горизонтов 3 – 1 раскопа П-2. В число бус этих горизонтов входят лимонovidные бусы цветного стекла, рассмотренные выше. В материалах горизонта 3 представлены, кроме того, следующие важные для нашей задачи типы бус:

– Бусы неправильно округлой («луковичной») формы, изготовленные в результате обработки палочки желтого глухого стекла с мозаичными глазками (III-2, рис. 6, 2). В материалах горизонта 3 найдено 2 экземпляра.

Такие бусы были специально выделены З.Д. Бессарабовой (*Бессарабова*, 2001. С. 204 – 206, рис. 4, 1). Интервал их бытования: середина X в. – рубеж XI и XII вв.^{1 v}

– Лимонovidные бусы с продольными полосками (III-9-3, 4, рис. 6, 3 – 4), чередующимися желтыми и красными или коричневыми (3 экземпляра) и разноцветными полосками (1 экземпляр). Верхняя дата, как и у бус III-9-2, – середина XI в. (*Щапова*, 1956; *Лесман*, 1984. С. 140, № 98).

– Битрапециодная бусина с граненым пояском (по пропорциям близка к шаровидной) из обожженного агата или халцедона (V-3-2, рис. 6, 10). За верхнюю дату таких бус, часто неотличимых от сердоликовых, принимаем верхнюю дату бус такой формы из истинного сердолика. В пределах X – XI вв. в Новгороде такие бусы не встречаются после середины XI в. (*Полубояринова*, 1994. С. 76).

В материалах горизонтов 2 и 1 важно отметить бусы следующих уже рассмотренных типов: I-1-6-3 (1 экземпляр), III-2 (1 экземпляр), III-9-2, 3 (4 экземпляра), V-1-2 (1 экземпляр), а так же:

– 14-гранная бусина (фрагмент) оранжевого стекла, мозаичные глазки: черное ядрышко в белом и красном колечках, сердцевина зеленого стекла (III-1-4, рис. 6, 2). В литературе их иногда называют «оранжевые глазчатые многогранные» и датируют XI в. (*Callmer*, 1977. Colour plate IV; *Успенская*, 1993. С. 105, табл. 1). Датировка таких бус составляет не простую задачу. Они достаточно часто встречаются в погребальных памятниках начала II тысячелетия, но рассмотрение по-

ребений находится за рамками применяемой методики. На Земляном городище Старой Ладоге таких бус очень мало, стратиграфическая привязка их ненадежна. По этой причине З.А. Львова, упоминая подобную бусину, обходит вопрос о датировке (*Львова*, 1968. С. 70). Находки на Варяжской улице происходят либо из балластного слоя, либо из 5 штыка, сильно нарушенного перекопами. В Новгороде на Неревском раскопе похожих бус около десятка. Встречаются они, начиная с тридцатых пластов, отвечающих самым ранним 28 и 27 ярусам, т.е. с третьей четверти X в. и на протяжении большей части XI в.

– Фаянсовая бусина IV (рис. 6, 7). О дате подобных бус говорилось выше. В упомянутой статье Ю.М. Лесмана (*Лесман*, 1994. С. 193, примечание 3) называется и верхняя дата – середина XI в. Правда в рамках нашей методики первая половина XI в. как бы «провисает», держась только на погребальных памятниках, но датирует их Ю.М. Лесман согласно новгородской ярусной хронологии.

– Крупные ярко-желтые лимонки с сердцевинной бесцветной прозрачной стеклом (I-1-1-2). Среди бус, собранных при разборе горизонтов 3 и 2 раскопа П-2, эти бусы I-1-1-2 особенно выделяются. Они представлены серией из 17 экземпляров. Бусы I-1-1-2 типичны именно для материалов горизонтов 3 и 2 раскопа П-2, (так же как глазчатые бусы III-3 типичны для позднего периода раскопа П-8 (рис. 11). Среди материалов участка П-8 бус I-1-1-2 практически нет (единственный экземпляр найден в верхней части заполнения ямы 1). Концентрация бус I-1-1-2 на раскопе П-2 была отмечена уже в первый год раскопок в пойменной части селища (*Пушкина*, *Мурашева*, *Нефедов*, 2001. С. 21).

Ю.А. Щапова включала подобные бусы во «второй вариант желтых «лимонок»» (наряду с бусами с сердцевинной из светло-желтого прозрачного стекла – I-1-1-3 нашей номенклатуры) и назвала широкую дату бытования таких бус в древнерусское время (*Щапова*, 1962. С. 88). Период бытования известных нам бус I-1-1-2 в Новгороде (Троицкий и Неревский раскопы) захватывает всю вторую половину X в., весь XI в. и уходит в XII в. По этой причине датировка бус I-1-1-2 на эталонных памятниках задаче узкой хронологи-

¹ Обоснование этого интервала приводятся в концевой сноске.

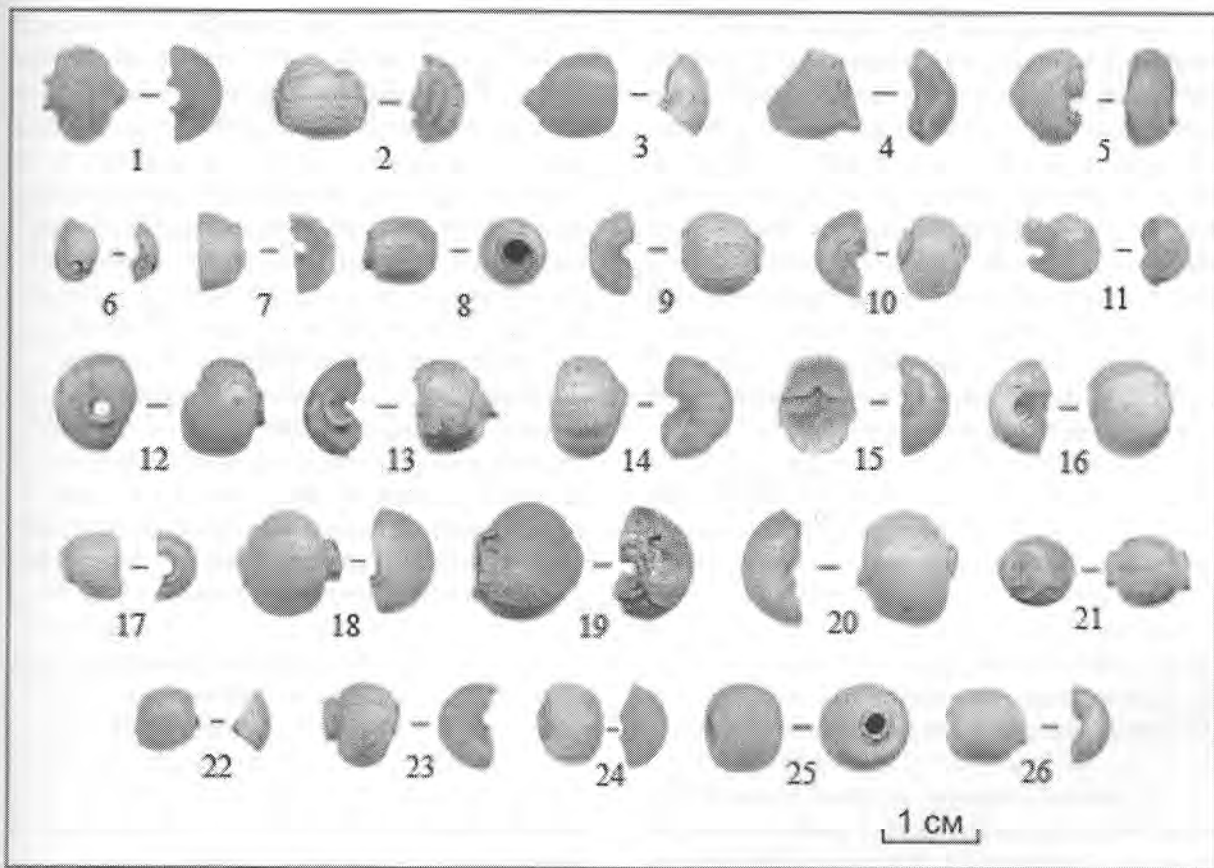

Рис. 11. Бусы раскопов П-2 и П-8.

Тип I-1-1-2:

1 – 16, 18 – 20 – П-2, горизонты 1 – 3;

17, 22 – 24 – П-2, «напашь»; 21 – П-8, яма 1.

Тип I-1-1-3:

25 – П-8, яма 40;

26 – П-2, горизонт 3.

ческой индикации в данном случае помочь никак не могут².

Однако наблюдаемая серийность в распределении бус I-1-1-2 в пойменной части гнездовского селища по раскопам и горизонтам не может игнорироваться, хотя выводы, сделанные на основании такого наблюдения, применимы лишь к локальной системе раскопов П-2 и П-8.

Как видим, перечисленные бусы горизонтов 3, 2, 1 раскопа П-2 имеют верхние даты в пределах середины – второй половины XI в. Ни в одном случае мы не имеем бус, верхняя хронологическая граница бытования которых приходилась бы на конец X в. или рубеж X и XI вв. Это существенно отличает материалы горизонтов 3 и 2 – 1 раскопа П-2 от материалов позднего периода раскопа П-8, где целый ряд бус, бытование которых прекращается к рубежу X и XI вв., встречены как в материалах

горизонтов 2 и 1, так и в заполнении поздних сооружений. Сопоставим это наблюдение с дендродатой горизонта 5 раскопа П-2 (самое начало XI в.). Учитывая характер образования горизонта 4 раскопа П-2 (горизонт строительства), можно считать доказанным, что хронологического зазора между горизонтами 5 и 3 раскопа П-2 не было, и стабильная жизнь на локусе поселения, затронутого этим раскопом датируется не ранее самого начала XI в.

Существенно выяснить, имела ли место хронологическая лакуна между прекращением жизни на локусе поселения раскопа П-8 (не позднее рубежа X и XI в.) и началом накопления культурного слоя горизонта 3 раскопа П-2 (самое начало XI в.)? Однако используемая нами методика имеет ограничение, в вопросе о хронологической лакуне лобовое ее применение заводит в тупик. В какой-то степени решить эту задачу помогает следующее наблюдение.

² Действительно, одна из двух бусин близкого типа, с сердцевинкой не бесцветной, а светло-желтого прозрачного стекла (I-1-1-3), была найдена в заполнении ямы 40 раскопа П-8, одной из самых ранних ям, сооруженных после нивелировочных работ, а вторая такая бусина – в финальном горизонте 2 раскопа П-2.

В верхней части заполнения ямы 1 раскопа П-8 вместе с фрагментами глазчатых бус III-3, в XI в. не встречающихся, найдена желтая крупная «лимонка» с бесцветной прозрачной сердцевинкой (I-1-1-2, рис. 11). Подавляющее большинство таких бус (17 из 18 стратифицированных экземпляров хорошей и удовлетворительной сохранности) встречены в горизонтах 2-3 раскопа П-2, и датируются там не раньше начала XI в. Это смыкает дату катастрофической фазы горизонта 2 раскопа П-8 и нижнюю дату горизонта 3 раскопа П-2.

Тогда можно считать «закимание сверху» верхней границы горизонта 2 и 1 раскопа П-8 выполненным. Хронологической границей, начиная с которой уже прекратилась жизнь на локусе поселения раскопа П-8 и только начинает функционировать локус поселения раскопа П-2 является рубеж X и XI вв..

Однако надо признать, что такое «смыкание» пока держится на единственной бусине.

Обратимся теперь к происходящим из горизонта 2 металлическим находкам, относящимся к воинской субкультуре (наконечник ножен меча и поясная накладка). Это как раз тот случай, когда следует для контроля и уточнения соотнести с датами иных категорий находок (но не с датой стратиграфического горизонта, на их основании сделанной).

Выше мы отметили, что авторы раскопок на основании интервалов бытования этих изделий датировали «финальный горизонт» сначала первой половиной XI в., позднее удревнив эту дату до начала XI в. Такая датировка несколько расходится с нашей. Но для нас сейчас важна не датировка слоя, а датировка изделий, в этом слое найденных. В приведенных построениях мы сознательно эти даты никак не использовали.

Поясные накладки, близкие найденной, датируются второй половиной X – началом XI в., в качестве датировки аналогий наконечника ножен меча сначала назывался XI в. (Мурашева, Фетисов, Елиосова, 2003. С. 108), однако позднее В.В. Мурашева, сославшись на мнение С.Ю. Каинова, опубликовала иную датировку: конец X – начало XI в. (Мурашева, 2005. С. 124). Для нашего сюжета существенно, что во второй полови-

не X в. таких изделий нет. Тогда существование сколько-нибудь значительной лакуны конца X в. решительно невозможно, что придает дате окончания функционирования ямы 1, сделанной на основании сочетания бусины I-1-1-2 и глазчатых бус III-3, определенный запас прочности. Подтверждается сделанный вывод о времени окончания жизни на локусе поселения раскопа П-8. Катастрофическая фаза сложения горизонта 2 приходится на рубеж X и XI вв.

Это, в свою очередь, приводит к любопытному выводу. Фиксируемые локусы поселения в пойме не сосуществовали или почти не сосуществовали: прекращение жизни на одном локусе и начало строительства на другом происходят археологически синхронно (с точностью до нескольких лет)¹.

Итак, горизонт 2 раскопа П-8 может быть датирован от 950-х гг. до рубежа X и XI вв.

С разных уровней этого горизонта спущен ряд ям и сооружений: ямы 1, 42, 40, очаги 1 и 2, т.н. «постройка» (рис. 1). (Особое положение занимает яма 28, о ней специально будет говориться ниже.) Можно ли уточнить хронологию этих комплексов?

К сожалению, надежных хронологических «зацепок» за материалы эталонных памятников тут найти не удастся. В данном вопросе приходится пока соглашаться с пессимистическим выводом Ю.А. Лихтер и Ю.Л. Щаповой: «...взятая в отрыве от полного комплекса находок она (хронология бус – Я.Ф.) не имеет самостоятельного значения. Комплексы бус примерно одновременны: как правило, они относятся к середине – второй половине X в. ...» (Лихтер, Щапова, 1991. С. 257).

Мы определили время катастрофы (рубеж X и XI в.); выяснили, что накопление культурного слоя после нивелировочных работ началось в 950-х гг. Таким образом, речь идет о существенном сроке – 40 – 50 годах.

Стратиграфическое соотношение сооружений нам известно. Из соотношения с горизонтом 2 следует, что наиболее поздними являются ямы 1, 42 и очаги 1 и 2. Учитывая сделанную выше оговорку о времени функционирования ям, из этого следует, что яма 42, очаги 1 и 2 были сооружены и функциони-

¹ Тогда можно связать песчанно-углистую прослойку горизонта 3-а раскопа П-2, при сползании с террасы частично перекрывающую горизонт 4, с неким пожаром, произошедшим на террасе не позднее самого начала XI в. Не являются ли этот пожар и гибель локуса поселения раскопа П-8 частными проявлениями какой-то масштабной катастрофы, поразившей гнездовское селище на рубеже X и XI вв.?

ровали в пределах последней четверти X в.; в 90-е гг. X в. они определенно существовали.

Яма 40 была сооружена вскоре после нивелировочных работ 950-х гг., т. е. время ее сооружения укладывается в интервал 950-е – 960-е гг., а время функционирования может быть ограничено рамками третьей четверти X в. На основании используемого нами источника (бусинный материал) дать для этих сооружений более точную дату, равно как и датировать «постройку», занимающую промежуточное положение в «пачке» этих перекрывающихся сооружений, мы не можем.

Сложной задачей является определение времени сооружения ямы 1. В ее заполнении найдено большое количество хронологически чувствительных бус. Однако и здесь непосредственное применение используемой методики себя не оправдывает: бусы концентрируются в верхней части заполнения¹. Заполнение ямы имеет сложный характер, предполагающий как интенсивное функционирование, ремонт, так и смену функциональных ролей. В ее заполнении бусы распределяются явно не равномерно. Обе бусины **I-3-B-2** рассматриваемой коллекции, изготовленные из стеклянной палочки (IX группа по З.А. Львовой – *Львова*, 1968. С. 90), найдены в заполнении именно этой ямы (рис. 10, 4, 5), причем один экземпляр – на самом дне. Бусы эти для конца X в. не характерны. Среди найденных в заполнении ямы 1 бус имеются две лимонovidные бусы бесцветного прозрачного стекла **I-1-5**. Всего таких бус в рассмотренной коллекции 3 экземпляра, третий найден в заполнении ямы 28а (рис. 3, 30). В Старой Ладoge большинство таких бус относится к горизонту Д-нижнее (*Львова*, 1970. С. 99, сноска 3). С подобающей осторожностью можно сказать, что яма 1 – это наиболее долго функционирующее сооружение раскопа, яма-«долгожитель», время ее сооружения находится в пределах третьей четверти X в.

Особо следует сказать о хронологической позиции ямы 28 (и 28а, являющейся ее конструктивной частью). Данная конструкция перекрыта «языком» горизонта 2. При разборе этого «языка» были найдены фрагменты глазчатых бус **III-3**.

Уже отмечалось, что большинство бус **III-3** позднего периода выпадают в слой на заключительной стадии формирования горизонта 2. Зафиксированная глубина обнаружения бус **III-3**, найденных при разборе «языка» горизонта 2 в пределах ямы 28, которая соотнесена с высотными значениями верха горизонта 2 и дна ямы 28, указывает, что на момент перекрытия яма была в значительной степени уже заполнена, но еще представляла собой заметную западину в дневной поверхности самого конца X в.

С другой стороны, как уже отмечалось, серия бус из лежащего на дне ямы 28 углистого слоя и из заполнения ямы 28а обнаруживает близость сериям бус из первых ям позднего периода (ямы 4 и 31/33) и из горизонта нивелировки. На этом основании можно говорить, что сооружение комплекса ям 28 – 28а следует датировать 950-ми гг.

Получается, что от момента сооружения этого комплекса до момента заполнения его «языком» горизонта 2 проходит около полувска! Тем не менее, детальный анализ слоистого заполнения ямы 28 подтверждает такую дату. Подробную реконструкцию динамики заполнения ямы 28 см. в статье В.В. Мурашевой и др. в настоящем сборнике.

Для завершения хронологической индикации раскопов в пойме остается сказать несколько слов о верхней дате горизонтов 2 и 3 раскопа П-2. Необходимая для этого информация и аргументация были приведены выше, когда мы «зажимали сверху» катастрофическую фазу горизонта 2 и верхнюю дату поздних ям раскопа П-8.

По набору бус, встреченных в горизонтах 1, 2 и 3 раскопа П-2, хронологическую границу между этими горизонтами обнаружить не удастся. Все горизонты содержат бусы, уверенно датирующиеся первой половиной XI в., но некоторые типы бус, выбранные в качестве хронологически чувствительных, имеют интервалы бытования, уходящие своей верхней датой и в третью четверть, и в конец XI в. По этой причине четко определить время прекращения жизни на локусе поселения раскопа П-2 в пределах одиннадцатого столетия исключительно по бусинному материалу в рамках

¹ В верхней части заполнения ямы 1 найдена хрустальная шаровидная бусина **V-1-1** (рис. 10, 7). Ю.М. Лесман в работе по новгородской хронологии (*Лесман*, 1984. С. 140, № 107), вслед за Б.А. Колчиным (*Колчин*, 1982) в качестве нижней хронологической границы для таких бус предлагает 989 г. (у Б.А. Колчина – рубеж X и XI в.). Однако, судя по публикации М.Д. Полубояриновой, такая дата является ошибочной (ср. *Полубояринова*, 1994. С. 76, рис. 1).

настоящей методике мы не можем. Уверенно можно сказать только, что к концу XI в. сколько-нибудь интенсивная жизнь на поселении прекращается.

Методически тут повторяется ситуация, возникшая на первом шаге датировки 2 горизонта соседнего раскопа П-8. Поскольку нет возможности «зажать» дату сверху, хронологический интервал получается достаточно протяженным. Тогда мы вышли из затруднительного положения, привлекая материал поздних ям, а потом и раскопа П-2. Здесь такой возможности нет.

По нашему мнению, для локуса поселения раскопа П-2 более вероятно существование в пределах первой половины XI в. Аргументировано подтвердить или опровергнуть это мнение предстоит в ходе дальнейших работ по уточнению хронологии пойменной части гнездовского селища с привлечением всех возможных источников.

Итак, попробуем подвести некоторые итоги. Анализируя коллекцию стеклянных и каменных бус, учитывая распределение бус по комплексам и стратиграфическим горизонтам, и соотнося получаемые результаты с коллекциями стратифицированных бус на памятниках, принятых за «эталонные», нам удалось получить для пойменной части селища следующие даты:

П-8:

1. Начало жизни на локусе поселения П-8: не ранее 930-х гг.

2. Ямы 4а, 4б, 4в, 40б, 46а: в пределах 930-х – 940-х/950-х гг.

3. Ямы 4, 8, 31/33, 40а, 46: 950-е гг.

4. Комплекс ям 28+28а: сооружение – 950-е гг.; прекращение функционирования – вторая половина X в.; окончательный «заплав» слоем – рубеж X и XI в. (около 1000 г.).

5. Нивелировочные работы на локусе поселения П-8: 950-е гг.

6. Яма 40: в пределах третьей четверти X в.

7. Яма 1: сооружение – в пределах третьей четверти X в.; прекращение функционирования – рубеж X и XI вв. (около 1000 г.).

8. «Постройка»: узко датировать не удается. В пределах 950-х – 980-х гг.

9. Очаг 1, очаг 2, яма 42: сооружение в пределах последней четверти X в.; прекращение функционирования – рубеж X и XI в. (около 1000 г.).

10. Ямы 27, 30, 39, 45, 47 – вторая половина X в.

11. Горизонт 2 – вторая половина X в.

12. «катастрофическая фаза» горизонта 2 – гибель локуса поселения П-8: рубеж X и XI вв. (около 1000 г.)

13. Ямы 5, 50, 38 узко датировать не удается.

П-2:

Горизонт 5: в пределах второй половины X в.

Горизонт 4, горизонт 3-а: самое начало XI в.

Горизонт 3, начало формирования: самое начало XI в.

«Катастрофическая фаза» горизонта 2 – гибель локуса поселения П-2: в пределах XI в., вероятно первая его половина (?).

¹ Рассмотрим подробнее обстоятельства находки ладожского аналога. Бусина была найдена 13 августа 1938 г. в восточной части III раскопа, в кв. 12 (по номенклатуре 1938 г.), на глубине 0,55 м от ладожского репера, и вместе с другими находками, сделанными в этом месте и на этой глубине (в том числе упоминается половина дирхема), была упакована в пакет № 242. Об этом имеется соответствующая запись в дневнике Г.П. Гроздилова (Ф. 35, 1938, № 229, л. д. 58 (оборот)). О найденной тогда монете, отвезенной на определение в Эрмитаж вместе с другим нумизматическим материалом лета 1938 г., выяснить ничего не удалось.

Находки из квадрата 12 были сделаны над деревянным настилом пола сгоревшей постройки, обозначенной позднее В.И. Равдоникасом, как «комплекс в кв. ЗПЗП – ИШИП» (Равдоникас, 1949. С. 39). В дневнике Г.П. Гроздилова она именуется «пост-

ройка № 1». Согласно нумерации, используемой в ярусной стратиграфии Земляного городища, разработанной С.А. Кузьминым и А.Д. Мачинской, данная постройка обозначается, как VIII-5-3Г (Кузьмин, 1997. С. 353, рис. 9). (Здесь и далее, когда речь идет о Земляном городище, нами применяется номенклатура С.А. Кузьмина и А.Д. Мачинской (Кузьмин, 1997), а когда речь идет о раскопе на Варяжской улице, используется номенклатура В.П. Петренко (Петренко, 1985). Визуальная схожесть этих номенклатур – и та, и другая состоит из комбинации римского и арабского чисел – заставляет нас, во избежании путаницы, в дальнейшем добавлять к обозначению постройки Земляного городища индекс «3Г», а постройки раскопа на Варяжской улице индекс «ВУ»). Постройка VIII-5-3Г в этой работе отнесена к VIII ярусу, для которого предложена дата: 920-е – около 950 гг. (Кузь-

мин, 1997. С. 346 – 347). В середине X в. постройки VIII яруса уничтожаются пожаром.

Опись находок старолужской экспедиции 1938 г. определяет слой, в котором была найдена эта бусина, как «горизонт над постройкой IX – X вв. (ниже кладбища)» (Ф. 35, 1938, № 231). Данный горизонт располагается между «горизонтом кладбища» и «горизонтом постройки IX – X вв.». Горизонт кладбища в свою очередь перекрыт «горизонтом постройки XIII – XIV вв.». Номенклатура слоев, отраженная в описи является рабочей: иногда и «горизонт кладбища», и «горизонт над постройкой IX – X вв.» назывались «горизонт ниже постройки XIII – XIV вв.».

В рукописном архиве ИИМК РАН хранятся материалы отчета, написанного Г.П. Гроздиловым о работе старолужской экспедиции 1938 г. В заключительной части черновика отчета про «горизонт ниже кладбища» сказано: «ниже горизонта кладбища XI в. – тот же культурный слой в виде гумуса интенсивной черной окраски. На некоторых участках – скопление бесформенной глины (?) в виде бурой разложившейся и плотно слежавшейся древесины, среди которой обнаружены отдельные бревна. Этим горизонтом начинается 1-й ярус деревянных построек Н.И. Репникова» (Ф. 35, 1938, № 235, тетрадь № 2, л. д. 26).

В.И. Равдоникас в публикациях не выделяет «горизонт ниже кладбища», определяя весь включающий погребения гумусный слой между «комплексом построек XIII – XIV вв.» и «нижележащим ярусом построек IX – X вв.», как сильно перемешанный. Сделанные в нем находки «интересны лишь сами по себе, но не стратиграфически, в виду значительной перемешанности данного слоя» (Равдоникас, 1945. С. 34).

Требуется разобраться, является ли найденная в Ладоге моравская бусина «интересной лишь сама по себе», или контекст ее обнаружения не является переотложенным, и поддается хронологической локализации.

Выяснить сохранность культурного слоя, разобранного 13 августа 1938 г. в кв. 12, помогают анализ дневниковых записей Г.П. Гроздилова и полевых чертежей 1938 г. (в т.ч. выполненные в поле студентом Черноморским) (Ф. 35, 1938, № 236 – 238, 240, листы №№ 39, 41, 67, 68). Судя по дневниковым записям («...расчищали слой до появления дерева...») и по глубине залегания (- 0,55 R), бусина была найдена непосредственно в слое пожара, в завале обугленных деревянных конструкций, на границе «земли с золой» и «бурой древесины с золой и рыбьей чешуей», над настилом. Завал обнаружился на глубине - 0,45/- 0,50 R, но в день находки Г.П. Гроздилов записал в дневник о работах на данном квадрате: «...расчищали слой до появления дерева...» (Ф. 35, 1938, № 229, л. д. 58 (оборот)). Несколько ниже,

давая в дневнике характеристику «постройки № 1», Г.П. Гроздилов специально отметил: «Наблюдалось большое количество бус над постройкой, в слое древесины» (выделено нами – Я. Ф.) на кв. 1, 2, 11, 12» (Ф. 35, 1938, № 229, л. д. 90 (оборот)). На границе кв. 11 и 12 на этой глубине фиксируются два погребения XII в. Но на 13 августа, когда была сделана находка, дневниковая запись Г.П. Гроздилова о работе в кв. 12 не содержит никаких упоминаний о работе с погребениями.

Таким образом, ладожская находка была сделана в заполнении постройки, в слое пожара, уничтожившего эту постройку, и может быть надежно датирована временем этого пожара – серединой X в.

^{II} Рассмотрим подробнее обстоятельства находки бус типа III-3 (учитываются непереотложенные экземпляры). Хранящаяся в Эрмитаже бусина этого типа была найдена в ходе раскопок В.И. Равдоникаса на Земляном городище Старой Ладоги в 1939 г. В дневнике В.И. Равдоникаса указано, что находка была сделана в кв. Е-4, при снятии 5 см слоя, лежащего «непосредственно на бревнах» (Ф. 35, 1939, № 172, л. д. 66 (108)), т. е. на деревянном полу постройки, первоначально обозначенной, как «комплекс Д». В дальнейшем В.И. Равдоникас предпочитал называть ее постройкой в квадратах ГЗГ5-ЕЗЕ5 (Равдоникас, 1945; Равдоникас, 1949).

В этих квадратах были вскрыты две последовательно возведенные постройки, причем более поздняя, с досчатым полом, была возведена «непосредственно на остатках погибшей более ранней постройки» с глиняным полом (Равдоникас, 1949. С. 14, 18, 34, рис. 6, 8, 16). Находки, сделанные при разборе слоя «непосредственно на бревнах» и занесенные в полевую опись под № 447 (в том числе и интересующая нас бусина), относились к более поздней постройке. В опубликованной С.А. Кузьминым статье она обозначается, как постройка IX-18-3Г (Кузьмин, 1997. Рис. 10) и относится к IX ярусу, датируемому 950 – 970 гг. Нижняя дата «отбивается» пожаром, уничтожившим в середине X в. постройки предыдущего яруса, в том числе подстилающую постройку с глиняным полом. Непереотложенных напластований горизонта Д-верхнее нет, постройка перекрыта сооружением XIII – XIV вв. Интересующая нас бусина находилась в слое, лежащем «непосредственно на бревнах». При разборе тех 5 см слоя в кв. Е-4, откуда происходит бусина, было обнаружено 4 черепка, из них 3 – от лепных сосудов. Соотношение фрагментов гончарной и лепной керамики в целом в пределах постройки на уровне настила постройки таково (лепная преобладает везде, кроме кв. Е-5, где видимо, имел место перекол), что исключает возможность

примеси материалов последней четверти X в., где гончарная керамика абсолютно доминирует. Тем более сказанное относится к материалам XIII – XIV вв. Более того, в кв. Е-4 выше уровня обнаружения бусины был найден развал лепного сосуда, относящийся к тому же горизонту. Все это не позволяет считать слой над поверхностью настила в этом квадрате «загрязненным» более поздними реалиями. Это позволяет принять датировку слоя над настилом в пределах хронологических рамок IX яруса, т.е. 950 – 970 гг.

Серия из 3 подобных бусин типа III–3 была найдена в ходе раскопок А.Н. Кирпичникова на Земляном городище Старой Ладogi в 2002 г. (Кирпичников, Богославский, Кильдюшевский, 2003. С. 17). Бусы были найдены в культурных напластованиях 2-й половины X в., в черном и буром гумусе, выше построек, имеющих конечные дендродаты 959 – 960 гг. (Кирпичников, Богославский, Кильдюшевский, 2003. С. 22).

Крупная серия таких бус (7 экземпляров) была найдена в ходе раскопок В.П. Петренко на Ладожском посаде (раскоп на Варяжской улице) на глубине 6–8–9 штыков. Бусы найдены в пределах построек III–1-VU, III–9-VU, III–10-VU, (II– или III)–3-VU, IV–7-VU, IV–10-VU. В ряде случаев бусы были найдены на деревянных конструкциях или были перекрыты ими. Сопоставление данных полевых описей, этикеток и чертежей 1974 – 1977 гг. с дендродатами сооружений этого раскопа (Черных, 1996. С. 115 – 118; Горюнова, 2002. С. 58) позволяет датировать все эти экземпляры в пределах 960-х – 990-х гг.

В 1994 г. фрагмент глазчатой бусины типа III–3 был найден на Рюриковом городище под Новгородом, на южном берегу Сиверсового канала, при разборе «черного слоя» X в. (Носов и др., 1995. С. 17, 18). В пределах «черного слоя» большая часть раскопа занимали остатки сруба. Мощность «черного слоя» внутри постройки достигает полуметра, вне постройки, в примыкающем квадрате № 1 – несколько меньше (до 30 см). Авторы раскопок в 1995 г. в качестве предварительной датировки «черного слоя» на данном участке назвали первую половину X в. (Носов и др. 1995. С. 18). Верхняя граница этого интервала надежно подтверждается керамическим материалом из «черного слоя» раскопа, в котором абсолютно доминирует лепная керамика (Горюнова, 1997. С. 168 – 171).

Из полевой документации раскопок на Рюриковом городище 1994 г. следует, что интересующий нас фрагмент глазчатой бусины был найден вне постройки (квадрат № 1), при промывке самого верха «черного слоя» (пользуясь случаем поблагодарить Т.С. Дорофееву, М.В. Медведеву и А.В. Плохова за помощь в работе с полевой документацией). Тогда момент депозиции этой глазчатой бусины максимально приближен к середине X в.

Еще одна известная нам бусина типа III–3, про-

исходящая с Рюрикова городища, была найдена в 1998 г. Бусина опубликована М.В. Медведевой (Медведева, 1999. Рис. 1, 3; Медведева, 2001. С. 53). Этот экземпляр был зафиксирован в тонкой прослойке «черного слоя» на склоне оврага-рва. Овраг был засыпан в ходе перепланировки конца X – начала XI вв. (Носов и др. 1999. С. 10). Для датировки «черного слоя» раскопок 1998 г. применима дендродата (979 г.) бревна, вбитого в подстилающий «коричневый слой», однако локализация уровня, с которого было вбито бревно, не однозначна (ср. Носов и др. 1999. С. 12; Медведева, 2001. С. 56). Верх бревна находился «на уровне черного слоя» (Носов и др. 1999. С. 12), над бревном следов ямы или перекопа не было, что было специально отмечено в отчете. Из этого следует, что бревно было вбито с уровня низа черного слоя, чуть выше границы черного и коричневого слоя. На этом основании бусина № 240 может быть датирована последней четвертью X в.

Таким образом, бусы типа III–3 датируются второй половиной X в., причем наиболее раннее выпадение подобных бус в слой происходит в 50-е годы X в., а наиболее позднее – в 90-е годы этого столетия.

^{III} Рассмотрим подробнее обстоятельства находок бус типа III–9-1, обнаруживающих позднюю дату. Известные нам два экземпляра Рюрикова городища были найдены в 1998 г. Один из них (№ 270) был найден в кв. 30 в черном слое (Носов и др. Отчет 1998: ф. 35, Оп. 1, 1998, д. 14).

В этом квадрате черный слой с преобладанием раннегончарной керамики над лепной почти отсутствовал, тонкая линза или прослойка его, в которой была найдена бусина, залегала на коричневом слое, в котором преобладала лепная керамика. Выше уже упоминалась дендродата (979 г.) бревна, вбитого в «коричневый слой» с уровня низа «черного слоя» (Носов и др. 1999). В кв. 40 «черный слой» достигал наибольшей мощности (Носов и др. Отчет 1998: ф. 35, Оп. 1, 1998, д. 14. С. 8). Тогда бусину № 270, найденную в подобных условиях, следует датировать 970-и гг. Вторая бусина (№ 232) была найдена в соседнем 29 квадрате, в черном слое, в заполнения оврага-рва.

Все три экземпляра Варяжской улицы были найдены в 1977 г. на глубине 6 – 7 штыков. Один экземпляр (ЛП1/886) был найден на глубине 7 штыка в пределах постройки IV–3-VU, к которой ведет длинный настил, перекрытый постройкой III–3-VU, конечная порубочная дата которой 991 г. Сама постройка IV–3-VU относится к 7 строительному периоду, который Н.Б. Черных датировала 960-ми – серединой 980-х гг. (Черных, 1996. С. 118). Второй экземпляр (ЛП1/28) найден в нижней трети 7 штыка в пределах плохо сохранившейся постройки IV–10-VU,

явно предшествующей и незначительно перекрытой постройкой IV–9-VУ, последние дендродаты которой указывают на 970-е года (977, 979 гг.). Дата постройки IV–10 – 960-е – 970-е гг., но глубина залегания бусины делает вторую половину этого интервала более вероятным временем депозиции бусины. Третья бусина этой серии (ЛП1/387) найдена вне построек, на глубине 6 штыка, в отложениях 990-х годов.

Получаемым временем выпадения в слой последних бус типа III–9-1 на Рюриковом городище и на Варяжской улице Старой Ладоги оказываются 970-е гг. Из рассмотренной серии более позднюю дату (990-е гг.) обнаруживает только один экземпляр раскопа на Варяжской улице, вероятно попавший на глубину 6 штыка в результате не зафиксированного в поле перекопа (наличие таких перекопов вычисляется Т.Б. Сениченковой и В.М. Горюновой по керамическому материалу (Горюнова, 2002. С. 57, 60)). Во всяком случае, омолаживание верхней границы бытования рассматриваемых бус еще на 15 – 20 лет на основании единственного экземпляра, найденного на глубине 6 штыка раскопа на Варяжской улице представляется методически не корректным.

^{IV} Рассмотрим подробнее обстоятельства находок бус типа IV, обнаруживающих раннюю дату.

Один экземпляр ребристой фаянсовой бусины найден в 1987 г. в Новгороде, на Троицком VIII раскопе. Обнаружена она в северной траншее раскопа, глубина залегания соответствует предматериковому слою (25 – 24 пласт), датированному серединой X в. (Янин и др., 1989. С. 3).

В эрмитажной коллекции бус Земляного городища нам известен один экземпляр рифленой фаянсовой бусины, но совсем других, вытянуто-цилиндрических очертаний. От использования этого экземпляра в качестве аналогии удерживают как морфологическое несходство, так и то, что высотные отметки пласта, при разборе которого была обнаружена бусина, заставляют подозревать, что слой в начале второго тысячелетия был переложен.

Зато целых три фаянсовые бусины, близкие по облику найденным на пойменной части гнездовского селища, были обнаружены при раскопках В.П. Петренко на Варяжской улице Старой Ладоги в 1974 г. Одна из них была зафиксирована на фрагментах дерева в пределах постройки III–3-VУ, две другие – в пределах постройки II–9-VУ. Последние дендродаты этих построек совпадают – 991 г. (одна из бус постройки II–9-VУ была найдена рядом с границей позднейшего перекопа, но найдена она была среди 13 компактно залежавших бус, что не позволяет считать ее переложенной).

Еще одна фаянсовая бусина такого же облика была найдена в ходе спасательных раскопок, про-

водившихся староладожским музеем весной-летом 2004 г. Найдена бусина была в слое третьей четверти X в.

Таким образом, для данного культурно-исторического и территориально-хронологического пространства за нижнюю дату ребристых фаянсовых бус IV можно принять середину X в.

^V З.Д. Бессарабова, говоря о группе родственных типов бус (в которую входят бусы типа III–2), приводит перечень бус, хранящихся в староладожском музее – как случайных находок, так и обнаруженных при раскопках А.Н. Кирпичникова, В.П. Петренко и Е.А. Рябинина, а также перечисляет ряд памятников, где встречены подобные бусы. На этом основании предлагается дата бытования бус такого облика: X – XI вв.

Полагаем, что дату, предлагаемую З.Д. Бессарабовой можно несколько уточнить. В первую очередь, к серии староладожских бус подобного облика следует добавить 2 экземпляра из раскопок В.И. Равдоникаса 1948 г., хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Оба локализируются в горизонте Д, причем одну из этих бус можно более точно датировать третьей четвертью X в.

Новгородские бусы Неревского раскопа, о которых пишет З.Д. Бессарабова со ссылкой на Ю.М. Лесмана (Бессарабова, 2001. С. 212, примечание 16), датируются от середины X в. до самого конца XI в. Помимо этого такие бусы встречены на новгородском Троицком раскопе. На Троицком X раскопе серия подобных бус встречена от 12 до 19 пласта. Полная хронология Троицкого X раскопа не опубликована, но в ряде узко-специальных статей встречаются полученные О.В. Тарабардиной дендродаты или ссылки на них, пользуясь которыми можно датировать интересующие нас бусы в пределах Троицкого X раскопа не раньше 960 г. (Горюнова, 2002. С. 50) и не позднее середины XI в. (Молтби, 1995. С. 131). В материалах Троицкого XI раскопа подобные бусы встречены в 18 и 19 пластах, что соответствует 28 – 25 ярусам, и датируется в пределах 950 – 1030 гг. (Гайдуков, Дубровин, Тарабардина, 2001. С. 81; Малыгин, Гайдуков, Степанов, 2001. С. 86, табл. 2).

Таким образом, интервал бытования таких бус – от середины X до рубежа XI и XII вв. Следует учесть, что в материалах значительно более раннего времени (напластования горизонтов E) встречаются бусы, изготовленные по упрощенному варианту этой же производственной схемы, однако и форма таких бус, и цветовая их гамма (включающая бирюзовое стекло) значительно отличаются от бус типа III–2, вообще от группы родственных типов, выделенных З.Д. Бессарабовой.

Приложение

Бессарабова З.Д., 2001. Итоги археологического досмотра земляных работ в северной части Старой Ладоги // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Гайдуков П.Г., Дубровин Г.Е., Тарабардина О.А., 1999. Хронология Троицкого XI раскопа // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Горюнова В.М., 1997. Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова Городища // Древности Поволховья. СПб.

Горюнова В.М., 2002. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и Старой Ладоги. Опыт синхронизации // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. СПб.

Давидан О.И., 1998. Сердоликовые изделия из Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 33.

Каменеукая Е.В., 1991. Заольшанская курганный группа Гнездова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.

Кирпичников А.Н., Богославский О.И., Кильдюшевский В.И., 2003. Археологические открытия в Старой Ладоге (по результатам раскопок в 2002 г.) // Скандинавские чтения 2002 г.: СПб.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кузьмин С.А., 1997. Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладжского городища // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. Т. 1. СПб – Псков.

Лесман Ю.М., 1984. Погребальные памятники новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Лесман Ю.М., 1994. Капинные бусы в Новгородской земле. Материалы к изучению русско-ордынских связей // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Лесман Ю.М., 1996. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы // Археология Петербурга. 1996. Вып. 1. СПб.

Лихтер Ю.А., Шапова Ю.А., 1991. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города). М.

Львова З.А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10.

Львова З.А., 1970. Стекланные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 12.

Малыгин П.А., Гайдуков П.Г., Степанов А.М., 1999. Типология и хронология новгородской керамики X – XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Медведева М.В., 1999. Стекланные бусы Рюрикова городища конца I тыс. н.э. (предварительный анализ) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Медведева М.В., 2001. Бусы из раннесредневековых слоев Рюрикова городища (по материалам работ 1998 – 2000 гг.) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Молтби М.Ш. 1995. Кости животных из раскопок Новгорода и его округи // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Мурашева В.В., 2005. «Идол» из Гнездова // РА. № 1.

Мурашева В.В., Фетисов А.А., Енисосова Н.Е. 2003. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнездовского поселения // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Дорофеева Т.С., Плехов А.В., Хвоцинская Н.В., Янсон И., 1995. Исследования Рюрикова Городища // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Петренко В.П., 1985. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.

Полубояринова М.Д., 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород.

Пушкина Т.А., 2001. Гнездово: итоги и задачи исследования // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археол. сб. Тр. ГИМ. Вып. 124. М.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С., 2001. Новое в изучении центрального селища в Гнездове // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археол. сб. Тр. ГИМ. Вып. 124.

Равдоникас В.И., 1945. Старая Ладога // КСИИМК. Вып. XI.

Равдоникас В.И., 1949. Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938 – 1947 гг.) Ч. I // СА Вып. XI.

Рябинин Е.А., Черных Н.Б., 1988. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя старолadoжского Земляного городища в свете новых исследований // СА № 1.

Рябинин Е.А., 1982. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973 – 1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Рябинин Е.А., 1995. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на север Европы // Ладога и Северная Русь. Чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

Рябинин Е.А., 1999. «Деревянный мир» раннесредневековой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973 – 1985 гг.) // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб.

Черных Н.Б., 1985. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.

Черных Н.Б., 1996. Дендрохронология и археология. М.

Щапова Ю.А., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. Вып. 55. Труды новгородской археологической экспедиции. Т. I.

Щапова Ю.А., 1962. О происхождении некоторых типов древнерусских бус // СА № 2.

Френкель Я.В., 1997. Импортное стекло на Руси в X в. – разные источники, разные судьбы // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. Тезисы конференции молодых ученых Санкт-Петербурга и СНГ. СПб.

Френкель Я.В., 1997. Стеклянные бусы Сясьского городища // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб.

Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории древнерусской деревни X – XIII в. Труды ГИМ. Вып. 33. М.

Янин В.А., Рыбина Е.А., Хорошев А.С., Гайдуков П.Г., Сорокин А.Н., 1989. Работы новгородской экспедиции в 1987 – 1988 гг. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород.

Hruby V., 1955. Stare "Mesto. Velkomoravske" pohrebiste "Na valach". Praha

Poulik J., 1948. Staroslovanskâ Morava. Praha.

Ratkos P., 1968. Die grossmoravischen Slaven und die Alt-magyaren // Studijnzvstyti AUSA. Vol. 19.

Ruttkey A., Ruttkey M., Salkovský P., 2002. Slovensko vo vcasnom stredoveku. Nitra.

Hanuliak M., Rejholcova M., 1999. Pohrebisko v Cakajovciach (9 – 12 storocie) Vyhodnotenit. Bratislava.

Szilagyi K., Nagy-Balogh J., Solymos K.G., 1995. Similar beads of type 60 from

ninth-century Magna Hungaria and tenth-century Hungary // Glass Beads. Culteral History, Technology, Experiment and Analogy. Studies in Technology and Culture. Vol. 2. Lejre.

Архивные источники

Архив ИИМК. Ф. 35, 1938 г., № 229. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И. Равдоникас. Дневник Г.П. Гроздилова.

Архив ИИМК. Ф. 35, 1938 г., № 231. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И. Равдоникас. Опись находок.

Архив ИИМК. Ф. 35, 1938 г., № 235. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И. Равдоникас. Г.П. Гроздилов. Черновик отчета.

Архив ИИМК. Ф. 35, 1938 г., №№ 236 – 238, 240, 243. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И. Равдоникас. Чертежи полевые и чистовые.

Архив ИИМК. Ф. 35, 1939, № 172. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И. Равдоникас. Копия дневника В.И. Равдоникаса, сделанная в 1965 г. Г.Ф. Корзухиной.

Архив ИИМК. Ф. 35, 1939, № 174. Староладожская экспедиция Истфака ЛГУ. Начальник В.И. Равдоникас. Чертежи полевые и чистовые.

Приложение

Распределение бус по объектам на раскопах П-2 и П-8.

П-8:

Вне объектов:

Г-1-2: 3 экз.
Г-1-3: 1 экз.
Г-2-1: 6 экз.
Г-2-2: 3 экз.
Г-2-3: 4 экз.
П-1-а: 2 экз.
Иные – 3 экз. (2 спекшился)

Яма 45

Г-1-1-1: 1 экз.
Г-3-Б-2: 1 экз.
П-1-б: 1 экз.
П-2-а: 1 экз.

Яма 27

Г-1-4: 1 экз.

Яма № 38:

Г-2-1: 1 экз.
П-1-3: 1 экз.

Яма 47

Г-2-3: 1 экз.
П-2-а: 1 экз.

Яма 5

Г-2-3: 2 экз.

Яма 50

Г-2-2: 1 экз.

Яма 8

Г-2-2: 1 экз.
П-2-а: 1 экз.

г.н. «Погребенный дерн»

Г-1-3: 1 экз.
Г-2-1: 1 экз.
Г-2-3: 1 экз.
Г-3-Б-2: 1 экз.
П-8: 1 экз.

Горизонт нивелировки

Г-1-1-1: 1 экз.
Г-2-3: 3 экз.
П-1-а: 2 экз.

V-1-1: 1 экз.

Яма 46

П-1-б: 1 экз.

Яма 4в

Г-2-1: 1 экз.
Г-2-3: 3 экз.
Г-2-5: 1 экз.

Яма 39

Г-1-3: 5 экз.

Яма 30

Г-1-1-1: 2 экз.
Г-1-2: 1 экз.

I-1-3: 1 экз.
 I-2-1: 3 экз.
 I-2-2: 1 экз.
 I-2-3: 1 экз.
 II-(сердцевина): 1 экз.

«Постройка»

I-1-1-1: 1 экз.
 1-2-1: 1 экз.
 I-2a-2: 1 экз.

Очаг 1

I-2-3: 1 экз.
 I-2-6: 1 экз.
 I-2-7: 1 экз.
 II-1-a: 1 экз.
 III-4-2: 1 экз.

Очаг 2

I-1-1-1: 3 экз.
 I-1-2: 3 экз.
 I-1-3: 1 экз.

1-2-1: 3 экз.
 1-2-4: 1 экз.
 1-2-6: 1 экз.
 1-3-A: 1 экз.
 1-3-B-1: 1 экз.
 II-1-a: 1 экз.
 V-1-3: 1 экз.

Яма 40a

I-1-5: 1 экз.
 I-2-1: 1 экз.
 I-2-5: 1 экз.

Яма 46a

I-2-4: 1 экз.

Яма 46

I-2-5: 1 экз.
 I-3-A: 1 экз.
 II-1-б: 1 экз.

Яма 40б

I-2-1: 1 экз.
 I-2-3: 1 экз.
 III-6: 1 экз.

Яма 4a

I-2-1: 3 экз.
 I-2-2: 1 экз.
 I-2-5: 2 экз.
 II-1-б: 3 экз.
 III-7: 1 экз.

Яма 28a

I-1-3: 3 экз.
 I-1-5: 1 экз.
 I-2-1: 1 экз.
 I-2-2: 3 экз.

Яма 40

I-1-1-1: 5 экз.
 I-1-1-3: 1 экз.
 I-1-2: 2 экз.
 I-1-3: 2 экз.
 I-2-1: 1 экз.
 I-2-2: 2 экз.
 I-2-3: 1 экз.
 II-2-a: 1 экз.
 III-5: 1 экз.
 IV: 1 экз.

Яма 4

I-1-1-1: 2 экз.
 I-1-6-2: 1 экз.
 I-1-3: 4 экз.
 I-1-2: 1 экз.
 I-2-1: 3 экз.
 I-2-2: 7 экз.
 I-2-3: 4 экз.
 I-2-4: 1 экз.
 I-2-5: 1 экз.
 I-3-B-1: 1 экз.
 I-3-Г-1: 1 экз.
 II-(сердцевина): 1 экз.
 II-1-a: 1 экз.
 II-2-a: 1 экз.
 II-2-б: 1 экз.
 III-3: 1 экз.
 иные: 1 экз. (маленький фр-т)

Яма 42

I-1-1-1: 4 экз.
 I-1-2: 4 экз.
 I-1-3: 2 экз.
 I-2-3: 2 экз.
 I-2-4: 2 экз.
 II-2-a: 2 экз.
 II-2-б: 1 экз.
 III-3: 2 экз.
 III-9-2: 1 экз.
 V-1-3: 1 экз.

Яма 31/33

I-1-1-1: 1 экз.
 I-1-3: 2 экз.
 I-2-1: 5 экз.
 I-2-2: 3 экз.
 I-2-3: 1 экз.
 I-2-4: 1 экз.
 I-2-8: 1 экз.
 II-2-a: 1 экз.
 II-2-б: 1 экз.

Горизонт 1

I-1-1-1: 3 экз.
 I-1-2: 2 экз.
 I-2-1: 2 экз.
 I-2-3: 1 экз.
 I-2-4: 1 экз.
 II-2-a: 1 экз.
 III-3: 2 экз.

Горизонт 2

I-1-1-1: 13 экз.
 I-1-2: 12 экз.
 I-1-3: 18 экз.
 I-1-4: 2 экз.
 I-2-1: 21 экз.
 I-2-2: 27 экз.
 I-2-3: 9 экз.
 I-2-4: 5 экз.
 I-2-5: 4 экз.
 I-2-6: 2 экз.
 I-2a-1: 1 экз.
 I-3-A: 1 экз.
 I-3-B-3: 1 экз.
 П-(сердцевина): 1 экз.
 П-1-а: 2 экз.
 П-1-б: 1 экз.
 П-2-а: 1 экз.
 П-2-б: 3 экз.
 I-1-6-1: 1 экз.
 I-1-6-3: 1 экз.
 ПI-1-2: 1 экз.
 ПI-3: 5 экз.
 ПI-4-3: 1 экз.
 ПI-9-1: 1 экз.
 ПI-9-2: 1 экз.
 V-2-2: 1 экз.
 V-2-3: 1 экз.
 V-4: 1 экз.
 VI: 1 экз.
 Иные: 1 деформ.

Яма 1

I-1-1-1: 9 экз.
 I-1-1-1: 1 экз.
 I-1-2: 6 экз.
 I-1-3: 7 экз.
 I-1-5: 6 экз.
 I-2-1: 10 экз.
 I-2-2: 12 экз.
 I-2-3: 7 экз.
 I-2-4: 4 экз.
 I-2-6: 1 экз.
 I-2a-1: 2 экз.
 I-3-A: 4 экз.
 I-3-B-2: 2 экз.
 П-(сердцевина): 1 экз.
 П-1-а: 3 экз.
 П-1-б: 3 экз.
 П-2-а: 3 экз.
 П-2-б: 1 экз.
 ПI-3: 4 экз.
 V-1-1: 1 экз.
 V-3-2: 1 экз.
 VI: 1 экз.

Яма 28 (углистый слой)

I-1-2: 1 экз.
 I-1-3: 1 экз.
 I-2-1: 3 экз.
 I-2-2: 4 экз.
 I-2-3: 1 экз.
 I-2-4: 1 экз.

I-3-Г-1: 1 экз.
 I-3-Г-2: 1 экз.
 П-1-а: 3 экз.
 П-2-б: 2 экз.
 ПI-3: 1 экз.
 V-2-1: 1 экз.
 VI: 3 экз.

Яма 28 (желтая супесь)

I-1-1-1: 2 экз.
 I-1-2: 1 экз.
 I-2-1: 2 экз.
 I-2-2: 2 экз.
 I-2-4: 1 экз.
 П-(сердцевина): 1 экз.

Яма 28 (без слоя)

I-2-2: 2 экз.
 I-2-4: 1 экз.

П-2:**Вне объектов:**

I-1-1-1: 1 экз.
 I-1-1-2: 4 экз.
 I-2-1: 6 экз.
 ПI-1-1: 1 экз.

Горизонт 1

I-1-1-2: 1 экз.
 I-1-3: 1 экз.
 I-2-1: 2 экз.
 П-1-а: 1 экз.
 ПI-1-4: 1 экз.

Горизонт 2

I-1-1-1: 16 экз.
 I-1-1-2: 12 экз.
 I-1-2: 4 экз.
 I-1-4: 2 экз.
 I-1-6-3: 1 экз.
 I-1-6-4: 1 экз.

I-2-1: 15 экз.
 I-2-2: 9 экз.
 I-2-3: 2 экз.
 I-2-4: 7 экз.
 I-3-A: 4 экз.
 I-3-B-4: 1 экз.
 I-3-B-1: 2 экз.
 П-(сердцевина): 1 экз.
 П-1-а: 2 экз.
 П-2-а: 6 экз.
 П-2-б: 4 экз.
 ПI-2: 1 экз.
 ПI-4-1: 1 экз.
 ПI-9-2: 1 экз.
 ПI-9-3: 3 экз.
 IV: 1 экз.
 V-1-2: 1 экз.
 V-2-4: 1 экз.
 VI: 1 экз.
 Иных: 3 мелких фр-та

Горизонт 3

I-1-1-1: 7 экз.
I-1-1-2: 9 экз.
I-1-1-3: 2 экз.

I-1-2: 3 экз.
I-2-1: 2 экз.
I-2-2: 4 экз.

I-2-3: 2 экз.
I-2-4: 3 экз.

I-3-A: 2 экз.
II-1-a: 1 экз.
II-1-b: 1 экз.
III-2: 2 экз.
III-9-3: 3 экз.

III-9-4: 1 экз.

V-2-1: 1 экз.
V-3-2: 1 экз.

Горизонт 1-3

I-1-1-2: 1 экз.

Горизонт 3a

I-1-2: 1 экз.
II-1-a: 2 экз.
V-3-1: 1 экз.

Яма 1

I-1-1-1: 1 экз.

Горизонт 4

I-1-1-1: 4 экз.
I-1-2: 3 экз.
I-2-4: 1 экз.
I-3-B-5: 1 экз.

II-1-a: 1 экз.

Горизонт 5

I-1-1-1: 1 экз.
III-3: 1 экз.

Summary

Y.V. Frenkel

Essay of dating of the area of flood-plain part of Gnezdovo settlement based on the analysis of glass and stone beads collection (based on the finds of 1999 – 2003)

This article is devoted to the analysis of the beads collection from Gnezdovo site flood-plain area. The main aim of the work is to date the constructions and other archaeological objects basing on the beads collection. The set of artefacts from North-West Russia sites (Staraya Ladoga, Novgorod) is a basis of this chronological study.